



Ангелы и бесы

Тайны духовного мира

ОТВЕТЫ
НА ТРУДНЫЕ
ВОПРОСЫ



Дарья И. Болотина
Ангелы и бесы. Тайны
духовного мира
Серия «Ответы на трудные вопросы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071354

*Ангелы и бесы. Тайны духовного мира / [ред.-сост. Д. Болотина].: Вече,
ГрифЪ, Ленга Книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2032-4, 978-5-905889-50-9, 978-5-91173-409-1*

Аннотация

Уникальная книга, в которой собраны наиболее достоверные святоотеческие свидетельства о самом таинственном из миров – мире духов! Ангелы (по-гречески «посланники», «вестники») – личностные духовные (бестелесные) существа, сотворенные Богом, наделенные умом, волей, могуществом; они возвещают людям волю Божию и исполняют на земле Его веления. Все Ангелы сотворены добрыми. Но некоторые из них нарушили долг послушания Богу, отпали от Него, впали в самолюбие, гордость и злобу и превратились в злых духов – бесов. Мир ангельский и мир бесовский скрыты от человеческого глаза, но они непосредственно и ощутимо влияют на мир людей. О том, почему и как это происходит, о природе Ангелов и бесов и

рассказывает этот сборник. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Информация о составителе	6
Мир ангельский	7
Кто такие Ангелы?	8
Православное учение об Ангелах	19
Что мы знаем об Ангелах?	68
Природа Ангелов	68
Творение Ангелов	105
Нравственное состояние Ангелов и степень их совершенства	124
Ангелы в Священном Писании	128
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Ангелы и бесы. Тайны духовного мира Д. Болотина

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2014

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, 2014

Информация о составителе

Болотина Дарья Ивановна – культуролог, публицист, историк. Родилась в 1980 г. в Москве. В 2001 г. окончила Российский Государственный гуманитарный Университет (РГГУ) по кафедре истории и теории культуры. В 2007 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную духовно-нравственным проблемам российского общества в годы Гражданской войны и Белому движению. Работала учителем истории в средней школе, журналистом, редактором. Сотрудничает с различными печатными и интернет-изданиями, автор статей, очерков, рассказов.

Мир ангельский

Первое и высшее место во всей лестнице тварного бытия занимают чистые и бесплотные духи. Они существа не только высшие сравнительно и совершеннейшие, но они имеют весьма важное влияние на жизнь людей, хотя они и невидимы для нас.

Что нам открыто о них? Как и когда они произошли? Какая дарована им природа и всем ли в одинаковой мере? Какое назначение и образ их бытия?

Кто такие Ангелы?

Свт. Филарет Московский. Пространный христианский катихизис православной кафолической Восточной Церкви

97. ПОЧЕМУ БОГА МЫ ИМЕНУЕМ ТВОРЦОМ?

Слова Символа веры: *«Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»* говорят о том, что все сотворено Богом и ничто не может быть без Бога.

98. НЕ ИЗ СВЯЩЕННОГО ЛИ ПИСАНИЯ ВЗЯТЫ СИИ СЛОВА?

Так. Книга Бытия начинается словами: *В начале сотворил Бог небо и землю* (Быт. 1, 1). Апостол Павел об Иисусе Христе, Сыне Божиим, говорит: *Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: Престолы ли, Господства ли, Начальства ли, Власти ли, – все Им и для Него создано* (Кол. 1, 16).

99. Что должно разуметь в Символе Веры под именем невидимых?

В Символе веры под наименованием невидимых следует понимать невидимый, или духовный мир, к которому принадлежат Ангелы.

100. КТО ТАКИЕ АНГЕЛЫ?

Ангелы – духи бесплотные, одаренные умом, волей и могуществом.

101. ЧТО ЗНАЧИТ ИМЯ «АНГЕЛ»?

Значит «вестник».

102. Почему они так названы?

Потому что Бог посылает их возвещать волю Свою. Так, например, Архангел Гавриил был послан предвозвестить Пресвятой Деве Марии зачатие Спасителя.

103. Что прежде сотворено: видимое или невидимое?

Невидимое сотворено прежде видимого, и Ангелы – прежде людей.

104. Можно ли найти о сем свидетельство в Священном Писании?

В книге Иова Сам Бог о сотворении земли говорит так: *На чем утверждены основания ея, или кто положил краеугольный камень ея, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?* (Иов. 38, 6, 7).

Митр. Макарий (Булгаков).

Догматическое богословие

О духах добрых или Ангелах. Понятие об Ангелах и достоверность их бытия

Имя Ангел (греч. – «посланник», «вестник»), по выражению еще древних учителей Церкви, есть имя должности, а

не природы. Потому неудивительно, если в Свящ. Писании оно усваивается разным посланникам Иеговы, возвещавшим или возвещающим волю Его. Так, в Ветхом Завете оно приписывается: самому Мессии, который, впрочем, называется не просто Ангелом, но Ангелом завета (см.: Мал. 3, 1), Моисею (см.: Числ. 20, 16) и другим пророкам (см.: Агг. 1, 33; Ис. 33, 7), священникам (см.: Мал. 2, 7), даже вещам бездушным, творящим слово Господне (см.: Пс. 77, 49); а в Новом Завете – Предтече Спасителя (см.: Мф. 11,), ученикам Его (см.: Лк. 9, 52), ученикам Предтечи (см.: Лк. 7, 24, по тексту, подлин.) и предстоятелям церквей (см.: Откр. 1, 20 и 2, 1). Но в строгом и собственном смысле Ангелами называются в Свящ. Писании существа особого рода, отличные от Бога и от человека, существа духовные, действительные, а не воображаемые: и это в бесчисленных местах как Ветхого, так и Нового Завета, которые никак нельзя объяснять переносно, без крайнего насилия смыслу речи. Доказательства, что св. Церковь Христова с самого начала своего веровала в бытие Ангелов, бесчисленны. Таковы – все древние символы, в которых Бог называется, между прочим, Творцом невидимых, т. е. мира духовного. Таковы же, в частности, свидетельства учителей Церкви: Иустина мученика, Афинагора, Евсевия, Василия Великого, Григория Богослова, Августина и многих других, которых приводить здесь считаем излишним: так как в веровании Церкви касательно бытия Ангелов никто и никогда не сомневался. Получив из Божественного

Откровения мысль, что есть еще мир духовный, кроме мира видимого, есть Ангелы, здравый разум человеческий может и собственным путем приближаться, в некоторой степени, к этой истине. История говорит нам, что вера в бытие Ангелов существовала во все времена и у всех народов, при всем различии их религий, что она почти столько же всеобща в человеческом роде, как и вера в бытие Бога. Как же смотреть на это явление? Чем объяснить его? Самое естественное и непринужденное объяснение – то, что учение об Ангелах перешло во все религиозные системы разных народов из религии первобытной, и есть один из остатков, хотя немало искаженный, того первоначального Откровения, которое даровано было Богом еще праотцам рода человеческого в Раю, и потом распространилось от них между всеми их потомками. В мире вещественном мы видим чрезвычайное множество и разнообразие существ, замечаем между ними различные степени и классы, одни других высшее, одни других совершеннейшие: можем ли по аналогии не заключать, что нечто подобное должно быть и в мире духовном, – что, кроме души человеческой, которая одна только известна нам, как дух, должны существовать и другие бесчисленные духи и классы духов, которые так же возвышаются одни над другими по степени совершенств и как бы образуют непрерывную лестницу, начинающуюся с души человеческой и восходящую до Бога? По крайней мере, совершенно невероятно, чтобы весь мир духовный ограничивался только душами че-

ловеческими, когда вещественный мир так изумительно велик и разнообразен. Если целью мира и здравый разум не может не признать, с одной стороны, славы Творца, а с другой – счастья и блаженства тварей: то и в этом отношении представляется необходимым существование духов. Как ни много совершенств своих проявил Господь и в создании тварей вещественных, но сами эти создания неспособны понимать проявленные в них совершенства Божии и славословить своего Творца. Как ни обильно излил Он и на них блага жизни; но наибольшая часть существ мира вещественного не имеет способности даже чувствовать собственное бытие, а другие хотя способны чувствовать бытие, но не в состоянии сознавать его разумно и наслаждаться им сознательно. Одни существа духовно-разумные способны понимать совершенства своего Творца, проявленные как в них самих, так и в создании мира вещественного; одни они могут прославлять Его и словом разумным, и благочестивою жизнью; одни они способны не только чувствовать, но и сознавать отдельно всю сладость бытия и наслаждаться истинным счастьем и блаженством.

Размышления христианина, посвященные Ангелу Хранителю, на каждый день месяца

Введение

Путешественник, странствующий в отдаленных местах, с

радостным восторгом встречает своего друга, пришедшего к нему для того, чтобы быть его путеводителем. В странствовании земной жизни, которой пределом назначена вечность, дан нам верный друг путеводителем: небо послало его руководить нас на трудном пути, где мрачная темнота окружает нас. Если мы пожелаем следовать за ним, то он, под своим покровом, безопасно доведет нас до нашего отечества. Мы знаем, что наш Отец Небесный заповедал Ангелам своим хранить нас во всех путях наших и оберегать нас от всякого зла (Пс. 90, 10, 11).

Хотя мы не можем видеть их телесными очами, но можем их видеть очами веры. Ужели мы столько поработочены чувствами, что не хотим верить ничему, кроме того только, что нам является под грубым видом вещества? Или сердце наше столько занято суетами мира, что ничего не любит, кроме богатства и удовольствий? Бог послал нам Ангелов спутниками и руководителями жизни. Но этот предмет, столь важный, касающийся до всех и до каждого, занимает мысли весьма немногих христиан в наше время; почему постараемся оживить их веру, объяснив им учение Св. Писания и предания об Ангелах. Может быть, сие объяснение послужит моим братьям источником воды живой, которою они освежат свои души.

1

Что есть другие существа разумные, кроме нас и выше нас, – это истина, о которой свидетельствует нам самое древ-

нее и всеобщее верование народов.

Сия истина была искажена злоупотреблениями и невежеством народов, поклонявшихся идолам; но она сохранена во всей чистоте народом Божиим. Все наши священные книги, начиная с книги Бытия до самого Апокалипсиса, представляют нам Ангелов действующими, исполняющими в сем мире повеления Всевышнего и ограждающими людей благочестивых своим покровом. Херувим был поставлен с огненным мечом в руке у врат земного Рая, дабы воспретить вход в него человеку, преступившему заповедь Божию. Патриархи были удостоены посещения Ангелов. Авраам однажды угощал сих Божественных посланников. Один из Ангелов удержал руку его в ту минуту, как он хотел принести в жертву своего сына Исаака. Агарь в пустыне была утешена также Ангелом. Иаков видел многих Ангелов, восходящих и нисходящих по ступеням таинственной лестницы, и на верху оной – сидящего Господа. (Быт. 28, 12–13). Ангел сопровождал сынов Израиля в пустыне и ввел их в землю обетованную. По вдохновению сих Небесных посланников Иеффай, Геден и другие судии израильские узнавали повеления Господни; Давид призывал их вместе воспевать свои священные песни. Исайя видел небо отверзтым, Господа восседающего на Престоле, и множество Ангелов, воспевающих ему песнь вечную. Ангел Рафаил сопутствовал юному Товии в его дальнем путешествии, привел его обратно на родину и возвратил зрение престарелому отцу его.

Когда Иудеи были в плену вавилонском, три отрока еврейские были ввергнуты в печь огненную, но между ними оказался Ангел, укрывавший их от пламени. Пророк Даниил был избавлен от челюстей львиных Ангелом Гавриилом, получившим повеление возвестить о Спасителе миру, дал знать Пророку о близком пришествии Его; он нисшел во храм, где Захария совершал каждение, и предсказал ему о рождении Сына, который предназначался быть Предтечею Мессии. Гавриил, посланный в Назарет к Деве Марии, возвестил ей, что она соделается Матерью Сына Божия. В скором времени после сего Ангел благовествовал вифлеемским пастухам о рождении предвечного Младенца, и Ангелы же воспели: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человеках благоволение». (Лк.2.9). Спаситель, которого Ангелы провозвестили, сам дал людям понятие об Ангелах. Он говорит нам о братской любви, которая побуждает их радоваться нашему спасению и с которой они охраняют нас на всех путях наших. Ангелы возвещают святым женам о воскресении Господа; а по вознесении Его на небо Ангелы же являются ученикам Его и говорят им, что как Он вознесся на небо, так придет некогда судить живых и мертвых. Нужно ли говорить вам еще, как апостол Петр освобожден был Ангелом из темницы и из рук Ирода? Рассказать ли вам, что видел святой Иоанн Богослов и что написал он о силе и могуществе Ангелов в управлении царств земных? Я должен остановиться, чтобы не переступить за пределы, предначертан-

ные мною. Итак, не буду более говорить о явлениях Ангелов апостолам, мученикам и многим праведникам. Но возможны ли сии явления? – скажут неверующие. Может ли Ангел, существо духовное, принять видимый образ человека, явиться нашим чувствам, говорить и действовать перед нами? Кто же может доказать невозможность? Кто в состоянии исследовать бездну премудрости Божией, определить бесконечные роды творений Всемогущего, обнять своим умом необъятную лестницу существ, чтобы иметь право сомневаться в бытии существ, о которых возвещает слово Божие?

Наше верование в святых Ангелов, основанное на событиях, засвидетельствованных Священным Писанием, подтверждается и учением мужей мудрых. Известно всем мнение об этом предмете Сократа, знаменитого его ученика Платона и многих мудрецов Греции и Рима. Но истинными своими мудрецами мы считаем учителей Церкви. Какое дивное учение об Ангелах оставили нам святой Дионисий Ареопагит, святой Григорий Назианзен, святой Василий Великий, святой Иоанн Златоуст, блаж. Августин и многие другие духовные писатели, почитаемые Церковью! Сие достоверное свидетельство Отцов и учителей Церкви единогласно подтверждено на Соборах, и Церковь всегда напоминает нам в своих служениях о тесном союзе Ангелов с людьми. Ветхий и Новый Завет непрестанно говорят нам об Ангелах. Из этого ясно видеть можно, какое участие Ангелы принимают в исполнении воли Божией и в чем состоит служение их в отно-

шении к людям. Но еще более прояснится это из нижеследующего моего рассуждения.

2

Любовь, свойственная Богу, побудила Его даровать бытие разумным существам, способным познавать и любить Его и участвовать в Его блаженстве. Первым плодом сей любви были Ангелы. Бог, наделив их богатыми дарованиями, вселил их в обителях небесных. Впрочем, хотя они были богаты совершенствами, но, как твари, не могли быть всесовершенными. Един Бог, Творец всего сущего, всесовершенен. Прельщенные величию своих ограниченных совершенств, некоторые из Ангелов предались кичению и гордости. Гордость, говорит Писание, была причиною падения многих Ангелов (2 Тим. 3, 2–6; Сир. 10, 15).

Денница первый возгордился против своего Творца, а за ним последовали многие другие Ангелы и оставили Бога. Но оставить Бога – значит лишиться жизни и предаться смерти. Ангелы первые оставили Господа, и Господь правосудный также оставил их, предоставив их самим себе. Что же произошло из этого? Верные Ангелы, укрепляемые благодатью и торжествуя своим смирением, отделились от них и отвергли их с ужасом; мятежники сделались из Ангелов света ангелами тьмы. Облеченные недавно в сияние и славу, учинились предметом отвращения и ужаса для всего неба и даже для самих себя; те, которые воспевали Всевышнего, стали произносить своими устами хулу и проклятия. Гонимые

дуновением правосудия Божия и терзаемые своею яростью, они, с быстротою молнии, ниспали в адскую бездну, подобно звездам, отторженным от небесного свода и падающим в беспредельное пространство Вселенной.

Ангелы, оставшиеся верными Богу, сделались совершенно блаженными. Они озарены блистанием Божественной славы, и свет Святого Святых объемлет их, как океан многоводный. Приходя в восхищение и восторг от созерцания богатств вечной красоты, они теряются в безмерной любви и в упоении своего блаженства; славят и превозносят всемогущего Бога, который вливает в сердца их потоки наслаждений. Не налагая на них обязанности оставлять блаженную обитель небесную, Господь разделяет с ними управление миров. Он употребляет их, как своих верных служителей, в действиях промысла. Он посылает их в мир возвещать людям свои веления исполнить Его волю. По сей-то причине мы называем их Ангелами, т. е. вестниками. Бог поставил их на высшей степени своих творений, дабы они были живыми образцами Его совершенств, достойными представителями Его величия. Божеская щедрота богато наделила сих Небесных духов естественными дарованиями; их ум и познания не имеют других пределов, кроме тех, которые положены сотворенным духом в беспредельных глубинах премудрости Божией. Ангелы одарены превосходнейшею силою и могуществом, посредством которых они могут, по соизволению Божию, действовать на тела и на мир веществен-

ный. Здесь можно было бы сделать множество вопросов, но ум наш скоро находит себе границы. Что можем понять мы, бедные твари, погруженные в мрачную темноту? И песчинка есть тайна для самого мудрого; а самих себя мы, со всеми нашими суетными науками, еще меньше знаем.

Православное учение об Ангелах

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово об Ангелах

Слово «Ангел» есть греческое, значит «посланник». Это название получили Ангелы от служения своего спасению рода человеческого, для чего они употребляются Всеблагим Богом и что исполняют со святою ревностью и любовью. Апостол Павел сказал: *Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение?* (Евр. 1, 14).

Так, *послан бысть Ангел Гавриил от Бога во град Галилейский, емуже имя Назарет* (Лк. 1, 26) к Пресвятой Деве Марии возвестить Ей, что Она избирается в Матерь Слова Божия, приемлющего человечество для искупления человечества. Так, Ангел Господень ночью отверз двери темницы, в которую были заключены завистливыми иудеями двенадцать апостолов, и, выведши их, сказал: *Идите, и ставше глаголите в церкви людем вся глаголы жизни сея* (Деян. 5, 20), т. е.

учения Христова, которое – жизнь. В другой раз Ангел вывел из темницы апостола Петра, ввергнутого туда нечестивым царем Иродом, убившим уже апостола Иакова Зеведева и хотевшего потешить богоубийственный народ иудейский второю приятною для него казнью. Чудесно избавленный из темницы Апостол, уверившись, что видит не видение, но самое дело, сказал: *Ныне вем воистинну, яко посла Бог Ангела Своего, и изъят мя из руки Иродовы и от всего чаяния людей Иудейских* (Деян. 12, 11). Впрочем, не в одном содействии спасению рода человеческого заключается служение Ангелов: но от этого служения они получили название свое посреди человеков, и это название дано им Святым Духом в Священном Писании.

Свт. Иннокентий Херсонский. О существах высших человека, или о духах

От Библейского учения о мире вообще обратимся к учению о мире в частности и, во-первых, посмотрим, как учит Священное Писание о духовном мире. Это учение не может не войти в состав религии христианской: а) уже потому, что в сем мире более всего и яснее выразились совершенства Божии, здесь более всего виден Бог – Промыслитель и Владыка Вселенной; б) кроме сего, люди получают здесь бытие и продолжают оное до известного времени; потом они должны переходить в мир другой – духовный; а посему им и нуж-

но знать мир сей и его жителей; в) еще причина, и притом важнейшая, заставляющая нас узнать мир духовный, есть та, что мир сей имеет отношение к нам: половина Ангелов, или большая часть их, помогают нам, а другие вредят. Это отношение их к нам столь важно, что Сам Спаситель целью Своего посольства поставлял разрушение царства темного: *да разрушит дела диаволя* (1 Ин. 3; 8). Посему нам необходимо знать, какое отношение Ангелов к нам и нас к Ангелам. Следовательно, учение об Ангелах весьма необходимо. Займемся им.

Не можно было ожидать, чтобы откровение описало подробно мир ангельский. Это для нас не нужно. Этот мир показало нам откровение с тех сторон, которыми он клонится к нашему спасению. Учение об Ангелах в Священном Писании просто, кратко и направлено к нравственности. Впрочем, Священное Писание подтверждает то, что разум отчасти только гадает. Оно говорит, что кроме нас есть множество существ духовных, если не совершенно свободных от материальности, то, по крайней мере, несравненно менее нас подверженных ей, притом чистых, добрых и злых, могущественных. Это видно из многих мест Священного Писания, так что только чрезмерное уклонение к чувственности могло привести некоторых к сомнению о бытии сих духов. Также приводили к сему излишние мудрования, заставившие тех, кои предавались им, признать Ангелов за выражения воли Божией, олицетворяемые писателями. Места, подтверждаю-

щие бытие Ангелов, суть следующие (Евр. 1, 4–5, и др.). Апостол Павел, желая доказать Божественность Иисуса Христа, поставляет Его выше Ангелов; мог ли бы он употребить такое доказательство, если бы Ангелы были мечты воображения – существа мыслимые, идеалы нравственные? *Засвидетельствую пред... Ангелы* (1 Тим. 5, 21). Какое было бы побуждение для Тимофея к должному прохождению своего звания, если бы Ангел был существо мечтательное? Сам Иисус Христос говорит в важнейших случаях об Ангелах как о существах действительных. *Отселе*, – говорит Он Филиппу и Нафанаилу, – *узрите небо отверсто и Ангелы Божия восходящия и нисходящия над Сына Человеческого* (Ин. 1, 51). Эти Ангелы не суть ни чистые мысли, ни вдохновения свыше, ибо им можно ли бы было в таком случае узреть их? Скажут, что история не представляет примеров сего восхождения и нисхождения Ангелов. Так, она не представляет многих и слишком ясных примеров, но есть случаи, где Ангелы представляются нисходящими на землю. Например, в Гефсиманском саду, при воскресении Иисуса Христа, при Его вознесении и прочее. Иисус Христос говорил ученику, хотевшему защищать Его неблагоприятным образом (Мф. 26, 53): *или мнится ти, яко не могу ныне умолити Отца Моего, и представит Ми вящие неже дванадесяте легиона Ангел?* Впрочем, о сих местах еще можно сказать, что Иисус Христос говорил приспособительно к понятиям учеников Своих. Но вот место, которого ничем нельзя опровергнуть. У

иудеев была целая секта саддукеев, которые, не веря будущей жизни, отвергали вместе и бытие Ангелов. Если бы существование сих существ была одна мечта, то было бы совершенно неблагоприятно утверждать оное в тех, которые не хотели быть в сем случае мечтателями. Но Иисус Христос говорит им утвердительно о бытии Ангелов (Мф. 22, 30), значит, это не есть мечта, а настоящая истина. Таким образом, в Новом Завете бытие Ангелов предполагается несомненным. Ветхий Завет большей частью состоит из рассказа о действиях Ангелов, так, во времена патриархов часто выходят на сцену Ангелы; Моисей получает Закон при содействии Ангелов (Деян. 7, 37); Ангелы являются пророкам, особенно Исайи и Даниилу; важнейшие события в народе еврейском совершены Ангелами. Все перетолкования сих мест суть явные усилия и натяжки. И это мнение, что учение об Ангелах явилось у евреев со времени пленения вавилонского, когда они познакомились с восточной философией, толкующей об Ангелах или же духах и их явлениях, в основе своей слабо и неверно. Ибо об Ангелах упоминается в священных книгах еврейских гораздо прежде. Притом, учение восточное об Ангелах, во многих отношениях отличное от библейского, явившись даже прежде сего последнего, не отвергает, но подтверждает бытие сих существ.

Может ли разум сказать что-нибудь в подтверждение бытия Ангелов? Не только может, но и говорит много. Вообще он говорит, что одного человеческого мира мало в сравнении

с миром физическим; человеком оканчивается цепь творения земного; но чтобы им оканчивалась цепь всего творения – этого сказать не можно. Кроме того, человек по смерти идет в высший мир; не может быть, чтобы этот мир для него вновь творился; он должен уже существовать и, без сомнения, он есть тот ангельский, духовный мир, который мы принимаем, основываясь на свидетельстве Священного Писания. Рассматривание сил природы также ведет к миру духовному. Природа физическая действует непременно, но может ли она действовать без ума? Всякое действие предполагает стремление к чему-либо; это стремление может ли быть без представления? Положим, что одно действие механически производится то другим, то третьим и так далее; но первое движение должно быть действие свободы и мышления. Притом, что такое сила? Самое понятие силы ведет к тому, что в ней есть что-то духовное и умное. Ибо сила есть причина известного действия и потому сама есть нечто самодвижущееся, самодействующее. И так как есть различные силы, то мы увидим, что есть и различные Ангелы; есть Ангелы воды, огня, ветров и прочие. Земная мудрость сама, как бы невольно, приводится к бытию духов. Например, химия все тела грубые превращает в газы, в духи. Следовательно, и ум сам по себе не может сомневаться в бытии Ангелов.

Как Священное Писание описывает натуру, действия, место пребывания и время сотворения Ангелов? Имя греческое: αγγελος и еврейское מַלְאָךְ не выражает природы их; так

названы они потому, что посылаются от Бога. Натуру Ангелов лучше и яснее выражает имя духа (Евр. 1; 14). Называя Ангелов духами, Священное Писание приписывает им все, что мы приписываем духу; и поелику оно называет их так в противоположность материи, то сим приписывает им бестелесность, невидимость. (*Видение* явление: Лк. 1; 22; то есть не Ангела видел Захария, ибо он бестелесен, а вид, оболочку. Эту мысль о бестелесности Ангелов выражает Иисус Христос, когда говорит, что люди по воскресении будут подобны Ангелам.) Но утверждает ли Священное Писание, что Ангелы не имеют никакой материальности? Оно не входит в это, а только противопоставляет их людям. Следовательно, отделяет от них только грубость телесную; но уничтожает ли совершенно телесность – этого не видно. Посему-то еще у отцов Церкви оставалось мнение, что с духовностью их соединена часть материальности. Так думали из восточных: Василий Великий, Климент Александрийский, Ориген, Григорий Богослов. Из западных: Августин. Они представляли тело Ангелов в виде светоносном, основываясь на местах Писания, в которых явление Ангелов большей частью сопровождается светом и некоторым сиянием. Таковы места (см.: Мф. 28, 3; Лк. 11, 9; Мк. 16, 5; Деян. 1, 10). Поэтому будто Ангелы в смысле даже физическом называются Ангелами *света* (см.: 2 Кор. 11, 14). Разум, судя об Ангелах, тоже не может их представить совершенно без материи; для него вероятнее, что существо нематериальное одно. Ибо действия тва-

рей должны выражаться во времени; время, по нашему понятию, не может существовать без пространства, но что подлжит пространству, то не может быть нематериально. Впрочем, это мнение отцов Церкви можно принимать и нет. Священное Писание не говорит об этой материальности, но и не отвергает. Принимая сие мнение, должно опасаться и предостерегать себя от того, чтобы не представлять грубо материальность Ангелов. Иисус Христос говорит, что дух (без сомнения, понимает здесь Ангела) «плоти и костей не имеет». И наши тела, когда прославятся, сделаются тонкими, духовными; тем тоньше, чище, выше и духовнее должны быть тела Ангелов.

Называя Ангелов бестелесными, Священное Писание утверждает сим то, что они не имеют наших нужд, наших отношений и наслаждений. *В воскресение бо ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божий на небеси суть* (Мф. 22, 30), – говорит Иисус Христос. Следовательно, у них нет различия полов, рождения, родственных связей; нет ни жажды, ни глада, ни наготы, ни стужи, ни зноя, ни другого.

<...>

Обратим внимание на деятельность Ангелов. В Священном Писании они представляются весьма деятельными, ибо называются силами бодрствующими, крепкими, и тому подобное. Способности их велики, следовательно, и круг деятельности их также должен быть велик и обширен. В чем состоит деятельность их в отношении к Богу? **Во-первых,**

в прославлении Бога, ибо престол Божий окружен Ангелами, неумолчно взывающими: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» Но в чем состоит сие прославление? Не в том, как изображается чувственно, что Ангелы окружают престол Бога как Царя и произносят некоторые хвалебные слова, а в том, что они безпрестанно рассматривают совершенства Божии, Его благодеяния и особенно вникают в тайну искупления и таким образом исполняются чувством любви и благоговения. **Во-вторых**, в исполнении воли Божией, простирающейся не на один мир человеческий, но и на ангельский. Ибо Ангелы наставляют друг друга, доставляют один другому свойственные наслаждения, защищают от недостатков, помогают друг другу в случае нужды (так, у Даниила говорится, что Рафаилу помог Михаил); вообще предметы деятельности Ангелов суть предметы ведения и любви. В мире человеческом особенно открывается их деятельность, как вообще, так и в частности. Вообще Ангелы занимаются спасением рода человеческого. Священное Писание говорит, что древний мир подчинен был Ангелам так, как новый подчинен Иисусу Христу (Деян. 7; 53): *уже приясте закон устроением Ангелским и не сохранисте*. Об этом молчит Моисей, потому что открывать это иудеям было опасно; они начали бы воздавать служение Ангелам такое, какое следует одному Богу (Гал. 3, 19): *вчинен (закон) Ангелы, рукою ходатая*. *Аще бо глаголанное Ангелы слово (закон)*, и прочее (Евр. 2, 2). Три места сии доказывают, что Ангелы прини-

мают большое участие в деле нашего спасения и что Ветхий Завет, а следовательно и закон, устроен и дан ими. Поелику уложение Моисеево весьма обширно и разнообразно, поелику оно касается и политики, и Церкви, и семейства, то можно полагать, что все это обдуманно Ангелами, которым Бог позволил, так сказать, испытывать таким образом свои силы и усовершенствовать. Большое участие они могли иметь при самом объявлении закона. Моисей долго находился на горе; быть может, что он там чрез все это время беседовал с Ангелами. Флавий повествует, что сначала Бог Сам явился Моисею на горе, но когда он устранился, то вместо Бога начали изрекать ему закон Ангелы. Посему-то не напрасно говорит апостол Павел, что ветхая вселенная покорена Ангелам, а грядущая – Иисусу Христу. Чтобы знать, что должно понимать под вселенной грядущей, надобно помнить, что евреи, ожидая Мессию, делили время на два отделения: первое называли вселенной настоящей, а последнее – грядущей, и, следовательно, первое составлял Завет Ветхий – иудейство, а последнее – Новый, христианство. Применительно к сему говорит и апостол Павел. Итак, Ангелы в Ветхом Завете были как бы владыками, а в Новом суть слугами. Эта мысль – совершенно библейская, и что закон устроен Ангелами, этого отвергать не должно и не можно без явного противоречия трем показанным выше местам Священного Писания. В устроении Нового Завета они также принимают большое участие: в жизни Иисуса Христа они предвещали все пред-

шествовавшее и следовавшее Его рождению; когда начало распространяться учение Христово, они содействовали первым распространителям его, апостолам; потом они явятся при конце сего мира, когда окружают престол Иисуса Христа и будут судить мир. Таково вообще служение Ангелов по отношению к человеческому роду.

Но ограничивается ли оно этим? Некоторые христиане, каковы все протестанты, в сем одном поставляют все служение нам Ангелов. Но наша Греко-Российская и Католическая Церковь простирают это далее. По их учению, Ангелы еще имеют попечение о народах и о частных лицах. Что Ангелы пекутся о народах, на это есть основание у Даниила (Дан. 10, 13 и 21), где Ангел народа иудейского хочет бороться *со князем царства Персского*. Кого разумеет под сим князем? Разумеет ли Ангела? Но как же объяснить их брань? Разве тем, что Бог наперед не открывает им судьбы управляемых ими царств и потому они могут ошибаться и спорить между собой? Но такое изъяснение отчасти странно. Лучшее толкование в сем случае есть то, что доброму народу дается и Ангел добрый, а злому – злой. Отсюда-то и причина брани между ними. Других, более ясных мест на сей предмет нет, но если Священное Писание говорит, что Ангелы занимаются судьбой людей порознь, то почему не допустить, что они занимаются судьбой целых народов?

А что Ангелы занимаются судьбой частных людей и что учение Церкви об Ангеле Хранителе есть библейское, это

видно из следующих мест Священного Писания: из книги Товита (Тов. 12, 12), где представляется такой Ангел, который наблюдал за всеми поступками Товита, следовательно, был его Ангел Хранитель; из Евангелия от Матфея: *яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). Здесь такой смысл: берегитесь обижать их, ибо Ангелы их, так сказать, на вас пожалуются пред Богом. Выражение: *выну видят лице* есть восточное и означает близость к кому-либо; посему когда говорится об Ангелах, что они *выну видят лице* Бога, то значит, что они всегда к Нему близки. Если бы мысль об Ангеле Хранителе была неверна, то Иисус Христос не стал бы так выражаться пред иудеями, которые думали, что у каждого человека есть свой Ангел; Он бы, напротив, отвергнул ее. Кроме того, вся Вселенская Церковь верила бытию таких Ангелов, как видно из книги Деяния святых апостолов: *Они же глаголаху: Ангел его есть* (Деян. 12, 15). То же находим у Афинагора, Василия Великого и других.

Но, скажут, они необходимы только детям слабым и подверженным многим опасностям по физическому состоянию. Так, но не более ли слабы и не в большей ли опасности по внутреннему состоянию находятся люди возрастные? И потому не более ли им в сем отношении нужны Ангелы Хранители? Но не будет ли наказанием для Ангелов, существ безгрешных, обращаться с людьми нечестивыми и грешными? Это правда, что обращение сие часто соединяется со скор-

бью и горестью, что смрад грехов наших нередко даже отгоняет их от нас, как это испытывали те, кои старались замечать в себе действие Ангела Хранителя. Но это дело, с одной стороны горькое, имеет другую сторону, приятную. Для любви чистой, какую имеют Ангелы, весьма приятно заниматься усовершенствованием других. Это испытывают и люди, имеющие более чистое и более возвышенное чувство любви. Так, Павел (Рим. 9, 2–3) желал за израильтян быть отверженным, лишиться своего спасения, если бы это отнимается честь у Иисуса Христа. Но это несправедливо: честь царя нимало не теряет оттого, что слугам его воздают также подобающую честь. Надобно только беречься, чтобы не отдать слугам того, что следует царю.

2) Утверждают, будто в Новом Завете решительно запрещено служение Ангелам (Кол. 2; 18): *Никтоже вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием и службою Ангелов*. Смысл сего места таков: «Пусть никто не обольщает вас тем злоумышленным смирением, по которому утверждает, что мы по причине своих немощей ни в чем не можем обратиться ко Христу, а всего должны просить у одних Ангелов и от них только ожидать помощи». Из сего уже явно, что здесь запрещается служение Ангелам такое, которое соединено с ущербом уважения к Иисусу Христу. Это подтверждает история Церкви, которая повествует, что во II веке были еретики, так называемые ангелики, которые, как пишет о них Ириней, учили, что должно во всем обращаться к Ангелам, и их только признавали своими ходата-

ями пред Богом, не зная, что Ходатай наш есть Иисус Христос Богочеловек, *только лучший быв Ангелов, елико преславнее паче их наследствова имя* (Евр. 1, 4). 3) Еще ссылаются на место в Откровении, где говорится, что Ангел не принял поклонения от Иоанна (Откр. 22, 8–9). Но из этого еще не следует, чтобы Ангелам не должно было поклоняться. Иоанн находился в то время в чрезвычайных обстоятельствах, ибо принимал Откровение о будущей судьбе Церкви, и потому мысль его должна была быть совершенно занята Самим Богом. На основании сих соображений можно в словах Ангела видеть следующую мысль: «Забудь о твари, не помышляй о ее достоинстве, а помни одного Бога». Притом Ангелы сколько высоки, столько же и смиренны. Посему Ангел мог говорить так к Иоанну и по своему смирению; но смирение Ангелов, служащее для нас образцом, не ниспровергает нашего к ним уважения.

А что Ангелам должно поклоняться, это видно из многих мест Ветхого Завета. Например, Иаков непосредственно за призыванием Бога призывает Ангела для благословения детей своих (Быт. 48, 16). Иисус Навин поклонился Ангелу, явившемуся ему (см.: И. Нав. 5, 14). Даниил тоже пал лицом на землю, когда услышал глас Ангела (Дан. 10, 9). Сам Бог заповедал почтение и уважение к Ангелам (Исх. 23, 20–21).

Так представляет Священное Писание Ангелов добрых. Оно описывает их существами гораздо высшими нас, участвовавшими в Ветхом Завете и участвующими в Новом, пе-

кущимися о народах и о каждом человеке порознь и за сие достойными всякого уважения и благодарности. <...> Должно ли желать и искать явления духов? Желать с доброй целью хорошо; иметь духовное сообщение с ними, вслушиваться в их мысли, желания и советы даже необходимо; но не нужно просить видимого явления, ибо это противно порядку природы: желать явления Ангелов – значит желать чудес без нужды. История священная показывает, что это и опасно. Если бы последовало явление Ангела, то как поступать с ним? Ангел добрый возьмет меры и сам даст знать о доброте своей. Но человек должен требовать доказательств, нужно требовать исповедания Христа. Притом долг христианина просить не являться без нужды; всему должно быть свое время. Как поступать при явлении злого духа? Христианину не должно страшиться, а сожалеть о существовании столь высоких и вместе столь бедных духов. От таковых явлений избавит христианина Ангел Хранитель, имя Иисуса Христа, молитва и пост. Отчего часто сомневались в бытии злых духов? Прежде до излишества верили бытию их, а теперь напротив, особенно в прошедшем столетии при развитии Французской революции, когда ничему сверхопытному и Самому Богу не давали места, сомневаются в сем. Восточная религия далеко простерла учение о гениях злых и добрых. Это основано на натуре вещей; разные суеверия осквернили умы, и бросились в крайность. Учение библейское есть одно из благоприятнейших. Оно ознакомило нас со всем сим. Оно сказа-

ло нам, что вера в духов не напрасна; оно прояснило происхождение зла, хотя неполно. Сказав, что зло произошло из свободы Ангелов, сим оно успокоило дух человека, ибо сложило с него часть тяжести. Стремление противников делать людей злыми и заставляет их стоять на страже вместе с при- ставленным к ним помощником – Ангелом Хранителем. С другой стороны, Священное Писание ручается за важность человека, ибо вокруг него весь мир Ангелов как бы враща- ется. Представив ужасный переворот, оно предостерегает от легкомыслия и рассеянности. Философы, отвергнув реаль- ное бытие злых духов, допустили идеальное. Кант доволь- ствовался таким диаволом.

Иером. Серафим (Роуз). Душа после смерти: православное учение об Ангелах

Мы знаем со слов Самого Христа, что в момент смерти душу встречают Ангелы: *Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово* (Лк. 16, 22).

Также из Евангелия мы знаем, в каком виде являются Ангелы: *Ангел Господень... вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег* (Мф. 28, 2–3); юноша, облеченный в белую одежду (см.: Мк. 16, 5); два мужа в одеждах блистающих (см.: Лк. 24, 4); два Ангела в белом (см.: Ин. 20, 12). На всем протяжении христианской истории явления Ангелов всегда имели вид **БЛИСТАЮЩИХ ЮНОШЕЙ, ОБЛЕЧЕННЫХ В**

БЕЛОЕ. Иконографическая традиция явления Ангелов всегда на протяжении веков согласовывалась с этим: изображались только лишь такие блистающие юноши (часто с двумя крыльями, которые, конечно, являются символическими и при явлении Ангелов обычно не видны). Седьмой Вселенский Собор в 787 г. постановил, что Ангелы должны всегда изображаться только в одном виде, как мужи. Западные купидоны Ренессанса и последующих периодов вдохновлены язычеством и не имеют ничего общего с настоящими Ангелами.

И на самом деле, современный римско-католический (и протестантский) Запад далеко отошел от учения Священного Писания и раннехристианского предания не только в художественном изображении Ангелов, но и в самом учении о духовных существах. Понимание этой ошибки для нас существенно, если мы хотим действительно понять подлинное христианское учение о посмертной судьбе души.

Один из великих отцов недавнего прошлого, еп. Игнатий Брянчанинов (†1867), увидел эту ошибку и посвятил целый том собрания сочинений ее выявлению и изложению истинного православного учения по этому вопросу (т. 3. Изд. Тузова, СПб., 1886). Критикуя взгляды образцовой римско-католической богословской работы XIX в. (аббат Бержье «Богословский словарь»), епископ Игнатий отводит значительную часть тома (стр. 185–302) борьбе с современной мыслью, основанной на философии Декарта (XVII в.), что все

вне царства материи просто принадлежит царству чистого духа. Такая мысль, в сущности, помещает бесконечного Бога на уровень различных конечных духов (Ангелов, бесов, душ умерших). Эта мысль особенно широко распространилась в наше время (хотя придерживающиеся ее и не видят всех ее последствий) и во многом объясняет заблуждения современного мира в отношении «духовных» вещей: большой интерес проявляется ко всему, находящемуся вне материального мира, и в то же время часто почти не проводится различие между Божественным, ангельским, бесовским и просто результатами необычных человеческих возможностей или воображения.

Аббат Бержье учил, что Ангелы, бесы и души умерших – чисто духовные существа; следовательно, они не подвержены законам времени и пространства. Мы можем говорить об их форме или движении только метафорически, и «они имеют нужду облекаться в тонкое тело, когда Бог позволяет им действовать на тела» (еп. Игнатий. Т. 3, стр. 193–195). Даже одна хорошо осведомленная во всех других отношениях римско-католическая работа XX в. по современному спиритизму повторяет это учение, заявляя, например, что Ангелы и бесы «могут заимствовать требуемый (чтобы стать людям видимыми) материал из более низкой природы, будь она одушевленная или неодушевленная». Сами спириты и оккультисты подхватили эти идеи современной философии. Один такой апологет сверхъестественного христиан-

ства, К.С. Льюис (англичанин), должным образом критикует современное представление о небе как всего лишь о состоянии ума; но все же, он, по-видимому, частично подвержен современному мнению, что «тело, его нахождение и движение, а также время ныне для высших сфер духовной жизни представляются несущественными» (К.С. Льюис. «Чудеса». Нью-Йорк, 1967). Подобные взгляды являются результатом излишнего упрощения духовной реальности под влиянием современного материализма; произошла потеря контакта с подлинным христианским учением и духовным опытом.

Чтобы понять православное учение об Ангелах и других духах, надо сначала забыть излишне упрощенную современную дихотомию «материя-дух»; истина сложнее и в то же время столь проста, что тех, кто еще способен верить в нее, будут, возможно, повсеместно рассматривать как наивных буквалистов. Епископ Игнатий пишет: «Когда Бог отверзает (духовные) очи человеку, то он делается способным видеть духов в их собственном виде» (стр. 216); «Ангелы, являясь человекам, всегда являлись в виде человеков» (стр. 227). Аналогично, из «...Писания явствуется со всей очевидностью, что душа человека имеет вид человека в его теле и подобна прочим сотворенным духам» (стр. 233). Он цитирует многочисленные святоотеческие источники, чтобы доказать это. Взглянем же теперь сами на святоотеческое учение.

Свт. Василий Великий в книге о Святом Духе утверждает, что в «Небесных Силах сущность их составляет воздушный,

если можно так сказать, дух или невещественный огонь... почему они ограничены местом и бывают невидимы, являясь святым в образе собственных своих тел». Далее он пишет: «Верим, что каждая (из Небесных Сил) находится в определенном месте. Ибо Ангел, представший Корнилию, не был в то же время и у Филиппа (ср.: Деян. 8, 26 и 10, 3), и Ангел, беседовавший с Захариею у жертвенника кадильного (Лк. 1, 11), не занимал в то же время свойственного ему места на небе.

Сходным образом свт. Григорий Богослов учит: «Вторичные после Троицы светы, имеющие царскую славу, суть светлые невидимые Ангелы. Они свободно обращаются вокруг Престола, потому что они – умы быстроподвижные, огонь и Божественные духи, быстро перемещающиеся в воздухе». (Беседа 6. Об умных сущностях.)

Таким образом, будучи духами и пламенем огненным (Пс. 103, 4; Евр. 1, 7), Ангелы и пребывают в том мире, где земные законы времени и пространства не действуют столь материальными (если можно так выразиться) способами. Поэтому некоторые из отцов без колебаний говорят о «воздушных телах» Ангелов. Прп. Иоанн Дамаскин, суммируя в VIII в. учение предшествовавших ему отцов, говорит: «Ангел есть сущность, одаренная умом, всегда движущаяся, обладающая свободною волею, бестелесная, служащая Богу, по благодати получившая для своей природы бессмертие, каковой сущности вид и определение знает один только Со-

здатель. Бестелесною же она называется, а также и не вещественною, по сравнению с нами, ибо все, сопоставимое с Богом, Который Один только не сравним ни с чем, оказывается и грубым, и вещественным, потому что одно только Божество поистине не вещественно и бестелесно». И далее он говорит: «Они описуемы, ибо когда они находятся на небе, их нет на земле и, посылаемые Богом на землю, они не остаются на небе; но они не ограничиваются стенами и дверями, и дверными запорами, и печатями, ибо они неограниченны. Неограниченными их называют потому, что они являются людям достойным, которым Бог пожелает, чтобы они являлись, – не таковыми, каковы они суть, но в измененном виде, смотря по тому, как могут видеть смотрящие».

Говоря, что Ангелы являются «не таковыми, каковы они суть», прп. Иоанн Дамаскин, конечно, не противоречит свт. Василию, который учит, что Ангелы появляются «в образе собственных своих тел». Оба эти высказывания верны, как можно видеть из многочисленных описаний явлений Ангелов в Ветхом Завете. Так, Архангел Рафаил в течение нескольких недель был спутником Товии и никто ни разу не заподозрил, что это не человек. Однако когда Архангел в конце открылся, он сказал: *Все дни я был видим вами, но я не ел и не пил, – только взорам вашим представлялось это* (Тов. 12, 19). Три Ангела, явившиеся Аврааму, также казались ядущими, и о них думали, что это люди (см.: Быт. гл. 18 и 19). Сходным образом св. Кирилл Иерусалимский в своих

«Катехизических словах» поучает нас об Ангеле, явившемся Даниилу, что «Даниил при виде Гавриила содрогнулся и пал на лицо свое и, хоть он и был пророк, но не осмелился ответить ему, пока Ангел не превратился в подобие сына человеческого» («Катехизические слова», XI, I). Однако в книге прор. Даниила (гл. X) мы читаем, что даже при первом своем ослепительном появлении Ангел имел человеческий облик, но только такой яркий (лице его как вид молнии, очи его – как горящие светильники, руки его и ноги его по виду – как блестящая медь), что он был невыносим для человеческих глаз. Следовательно, внешность Ангела такая же, как и у человека, но поскольку ангельское тело нематериально и само лицезрение его огненного, сияющего явления может ошеломить любого человека, все еще пребывающего во плоти, явления Ангелов по необходимости должны быть приспособлены к взирающим на них людям, представляясь менее сияющими и внушающими страх, чем это есть на самом деле».

Что же касается человеческой души, то блаженный Августин учит, что, когда душа отделяется от тела, сам человек, с которым происходит все это, хотя только в духе, а не в теле, видит себя все столь же похожим на собственное тело, что он вообще не может увидеть никакой разницы» («О Граде Божием», кн. XXI, 10). Эта истина теперь была многократно подтверждена личным опытом тысяч людей, возвращенных к жизни в наше время.

Но если мы говорим о телах Ангелов и других духов, мы

должны поостеречься приписывать им какие-либо грубые материальные характеристики. В конечном счете, как учит прп. Иоанн Дамаскин, этой «сущности вид и определение знает только Один Создатель». На Западе блж. Августин писал, что нет никакой разницы, когда мы предпочитаем говорить «о воздушных телах» бесов и других духов или называем их «бестелесными» («О Граде Божиим», XXI, 10).

Сам епископ Игнатий был, возможно, несколько излишне заинтересован в объяснении ангельских тел в понятиях научных знаний XIX в. о газах. По этой причине возник некоторый спор между ним и епископом Феофаном Затворником, который считал необходимым подчеркнуть простую природу духов (которые, конечно, не состоят из элементарных молекул, как все газы). Но по основному вопросу – об «оболочке тонкой», которую имеют все духи, – он был согласен с еп. Игнатием (см.: Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937, стр. 394–395). Похоже, что какое-то сходное недопонимание по маловажному вопросу или из-за терминологии привело в V в. на Западе к полемике с учением латинского отца, св. Фавста Лиринского, об относительной материальности души, основанным на учении восточных отцов.

Если точное определение ангельской природы известно одному Богу, понимание деятельности Ангелов (по крайней мере, в этом мире) доступно каждому, ибо об этом имеется масса свидетельств как в Писании и святоотеческой литера-

туре, так и в житиях святых. Чтобы полностью понять явления, которые бывают умирающим, мы, в частности, должны знать, как являются падшие ангелы (бесы). Настоящие Ангелы всегда являются в своем собственном виде (только менее ослепительном, чем на самом деле) и действуют только для того, чтобы выполнить волю и повеления Бога. Падшие же ангелы, хотя иногда и являются в своем собственном виде (прп. Серафим Саровский по собственному опыту описывает его как «гнусный»), но обычно принимают разный облик и творят многие «чудеса» властью, которую они получают в подчинении князю, господствующему в воздухе (ср.: Еф. 2, 2). Их постоянное место пребывания – воздух, а основное дело – соблазнять или запугивать людей и таким образом влечь их за собой к гибели. Именно против них и идет борьба христианина: *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12).

Блж. Августин в своем малоизвестном трактате «Определение бесов», написанном в ответ на просьбу объяснить некоторые из многочисленных бесовских явлений в древнем языческом мире, дает хорошее общее представление о делах бесов: «Природа бесов такова, что через свойственное воздушному телу чувственное восприятие они намного превосходят то восприятие, которым обладают тела земные, а также и по скорости, благодаря лучшей подвижности воз-

душного тела, они несравненно превосходят не только движение людей и животных, но даже и полет птиц. Одаренные этими двумя способностями в той мере, в какой они являются свойствами воздушного тела, а именно, остротой восприятия и быстротой движения, они предсказывают и сообщают о многих вещах, о которых они узнали намного раньше. А люди удивляются этому из-за медлительности земного восприятия. Бесы к тому же за свою долгую жизнь накопили намного больший опыт в разных событиях, чем достается людям за короткий отрезок их жизни. Посредством этих свойств, которые присущи природе воздушного тела, бесы не только предсказывают многие события, но также совершают многие чудесные деяния».

Многие «чудеса» и зрелища бесовские описаны в про странной беседе св. Антония Великого, включенной св. Афанасием в его житие, где также упоминаются «легкие тела бесов» (гл. II). Житие св. Киприана, бывшего колдуна, также содержит многочисленные описания бесовских превращений и чудес, сообщенные их действительным участником.

Классическое описание бесовской деятельности содержится в седьмом и восьмом «собеседованиях» св. Иоанна Кассиана, великого галльского отца V в., который первым передал Западу полное учение восточного монашества. Св. Кассиан пишет: «А злых духов такое множество наполняет этот воздух, который разливается между небом и землею и в котором они летают в беспокойстве и не праздно; так

что Провидение Божие для пользы скрыло и удалило их от взоров человеческих; иначе от боязни нападения их, или страшилища лиц, в которые они по своей воле, когда захотят, превращаются или преобразуются, люди поражались бы невыносимым ужасом до изнеможения...»

А что нечистые духи управляются более злыми властями и подчинены им, этому, кроме тех свидетельств Св. Писания, которые читаем в Евангелии, в описании ответа Господа клеветавшим его фарисеям: *если я силою веезельвула, князя бесовского изгоняю бесов...* (см.: Мф. 12, 27), – научат нас также ясные видения и многие опыты святых. «Когда один из наших братьев путешествовал в этой пустыне, по наступлении вечера нашедши некоторую пещеру, остановился там и захотел совершить в ней вечернюю молитву. Пока он по обычаю пел псалмы, время прошло уже за полночь. По кончании молитвенного правила, желая немного успокоить утомленное тело, он возлег и вдруг начал видеть бесчисленные толпы отовсюду собирающихся демонов, которые бесконечную вереницею и весьма длинным рядом проходили, иные предшествовали своему начальнику, иные следовали за ним. Наконец пришел князь, который и величиною был выше всех и видом страшнее; и по поставлении престола, когда он сел на возвышенном трибунале (судейском месте), то с рачительным исследованием стал разбирать действия каждого, и тех, которые говорили, что еще не могли обольстить своих соперников, приказывал выгонять от своего лица с замечани-

ем и бранью как недеятельных и нерадивых, с яростным рыком укоряя, что они напрасно потратили столько времени и труда. А тех, которые объявили, что они обольстили назначенных им, отпускал с большими похвалами при восторге и одобрении всех как храбрейших воителей в образец для всех прославившихся. Из числа их один злейший дух, приступив, со злорадством доносил как о знаменитейшей победе, что он хорошо известного монаха, которого он назвал, после 15 лет, в течение которых непрестанно искушал, наконец, преодолел – в эту самую ночь вовлек в блуд. При этом донесении произошла необыкновенная радость между всеми, и он, князем тьмы возвеличенный высокими похвалами и увенчанный большой славою, ушел. При наступлении зари ... все это множество демонов исчезло из глаз». Позднее брат, бывший свидетелем этого зрелища, узнал, что сообщение о падшем монахе действительно верно («Собеседования», VIII, 12, 16, русск. пер. еп. Петра. Москва, 1892, стр. 313, 315).

Подобное случалось со многими православными христианами вплоть до текущего столетия. Это, совершенно очевидно, не сны или видения, а встречи в состоянии бодрствования с бесами, как они есть, – но только, конечно, после того, как у человека откроются духовные глаза для того, чтобы видеть эти существа, которые обычно человеческому глазу невидимы. Вплоть до недавнего времени, возможно, лишь горстка «старомодных» или «простодушных» православных христиан могла еще верить в буквальную истину подобных

рассказов; даже сейчас некоторым православным христианам трудно им поверить, столь убедительной была современная вера в то, что Ангелы и бесы – «чистые духи» и не действуют такими «материальными» способами. Только лишь из-за большого роста бесовской активности в последние годы эти рассказы начинают вновь казаться, по крайней мере, правдоподобными. Широко распространенные сейчас сообщения о «посмертных» опытах также открыли область нематериальной реальности многим простым людям, которые не имеют соприкосновения с оккультным. Ясное и правдивое объяснение этого царства и его существ стало одной из нужд нашего времени. Такое объяснение может дать только Православие, сохранившее даже до наших дней подлинное христианское учение.

Сщмч. Серафим (Звездинский). Ангелы

Верую во Единого Бога...

Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым

Символ веры

Горе к высоте, души горе сердечное око, и умная стремления, любвию Божественною имуще, в душах своих простираем всегда: яко да иже оттуда лучами облистаети, убегнем тьмы страстей, чающе со ангелы предстати страшному престолу Зиждителя, и

преобразитися от света во свет

Стихира на «Господи воззвах» в неделю веч., глас 2-й

Много дивных красот рассеяно перед нашими взорами щедродательной десницей Вышнего. Поля, луга, желтеющие нивы, испещренные изумрудными цветами, одетыми так, как и Соломон не одевался во всей славе своей, дремучие леса с их несмолкаемыми трелями пернатых, дикие горы, ущелья и скалы, застывшие как бы в своей величавой задумчивости, море безбрежное, синее, со своими пенящимися бурливыми волнами, тихий ручеек, мирно и нежно журчащий где-либо в зеленой долине, звонкая песнь жаворонка, уносящаяся ввысь, небо тысячеокое, звездное – все это, и в поле каждая былинка, и в небе каждая звезда, – все мироздание полно таких неизъяснимых красот, что, правда, по признанию одного учителя Церкви, не выдержал бы ум, не вместило бы сердце, если бы мы, рождаясь сразу взрослыми и сознательными, вдруг увидали бы все эти красоты; правда, понятен становится и восторженный гимн царя-псалмопевца в честь творца всей этой красоты: *Яко возвеличишиа дела Твоя, Господи, дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси! Господи, Боже наш! Как чудно имя Твое по всей земле! Взятся великолепие Твое превыше небес!* (Пс. 103, 24; 8, 2)

Но... что суть все эти видимые красоты в сравнении с невидимыми! Что суть эти видимые красоты, как не отблеск, как не тени от незримого очами? Есть, возлюбленные, за

этим видимым нами звездным небом, есть другое небо – небо небес, куда восхищен был некогда великий Апостол языков и где слышал и видел он то, «ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша». Небо это также усеяно звездами, но такими, которых мы и представить теперь себе не можем, звездами, никогда не спадающими, присно сияющими, утренними звездами, как написано в Писании: при общем ликовании утренних звезд утверждены были основания земли и положен краеугольный камень ее (ср.: Иов. 38, 76). Эти утренние звезды – Ангелы Господни.

О, возлюбленные, знаете ли, чувствуете ли вы всю неизмеримость милости Божией в том, что нам, сынам персти, отверзто небо нам, грехом омраченным, чрез Таинства Церкви Православной даруются просветленные духовные очи, которыми можем мы зреть небожителей, Ангелов Божиих. *Отныне*, – обещано нам, – *узрите небо отверзто и Ангелы Божий, восходящие и нисходящие на Сына Человеческого* (Ин. 1, 51). «Небо, – восклицает по этому поводу один проповедник, – это блаженное жилище невидимых духов и наше будущее вечное жилище, прежде очень мало было известно. О, одно это незнание как было убийственно, мучительно для нас! В минуты скорби, в часы сетования куда было бы нам улетать душою? В минуты смерти, в часы разлуки где было бы нам находить утешение? И что была бы это за жизнь, которая должна кончиться невозвратно? Лучше бы вовсе так не жить. И что были бы это за радости, которые должны ис-

чезнуть навсегда? Лучше б вовсе так не радоваться. Теперь, с пришествием на землю Христа Спасителя, подобные мысли не могут и не должны нас беспокоить. Теперь у нас есть небо – страна отрады и утешения, куда так часто мы от сует мирских улетаем отдыхать душой, успокаиваться сердцем, теперь есть у нас вечная жизнь, где мы некогда будем жить новою жизнью, неразлучно со всем тем, что так дорого и любезно нашему сердцу».

Горе имеем сердца!

Горе к высоте, души горе сердечное око! Но... как подняться туда падшему человеку, когда грех постоянно влечет его долу?

«Вещество имея мать, и брение отца, и праотца персть, сих сродством в землю весьма зрю: но даждь ми, предстателю мой, и горе воззрети когда к небесной доброте» (Канон Ангелу Хранителю).

Понесемся к этой небесной дороге не своими силами, а возьмем крылья слова Божия, писания и свидетельства богومудрых отцов и учителей Церкви, развернем их во всю их ширь и мощь, и верно эти крылья поднимут горе выну колеблющийся и падающий долу дух наш. – Горе к высоте души, горе сердечное око. Горе – к Ангелам – имеем сердца!

Ангелы... Что же они такое? Что это за существа? Много ли их? Что делают, как живут они на небе? Бывают ли они когда-нибудь на земле у нас?

Что такое Ангелы? У всех народов, во все времена, вме-

сте с врожденной мыслью о Боге всегда жила мысль и то или иное понятие и о мире ангельском. И мы, хотя и не видали Ангелов телесными очами, но можем начертать их образ, можем сказать, что они за существа: в нашей душе глубоко внедрена мысль о них; мысленно каждый из нас представляет себе Ангелов.

Ангел... Не правда ли, когда мы своими устами произносим это слово, или слышим его произносимым устами других, или, когда мы размышляем об Ангеле, то всякий раз это имя вызывает в нас представление о чем-то необыкновенно светлом, чистом, совершенном, святом, прекрасно нежном, о чем-то таком, к чему невольно рвется душа, что она любит, пред чем преклоняется? И все, что ни подмечаем мы на земле святого, светлого, чистого, прекрасного и совершенного, — все это есть у нас склонность называть и обозначать именем Ангела. Смотрим мы, например, на миловидных детей, любуемся их доверчивыми глазами, их наивной улыбкой, и говорим: «как Ангелы», «ангельские глаза», «ангельская улыбка». Слышим стройное, умилительное пение, звонкие, нежные голоса, прислушиваемся к их всевозможным переливам и мелодиям, то тихо-грустным и задумчивым, то восторженно-торжественным и величественным, и говорим: «словно на небе, как Ангелы поют». Побываем ли мы в семье, члены которой живут во взаимном согласии, взаимной любви, молитве, где все носит на себе печать какой-то тихости, кротости, какого-то необыкновенного мира, где неволь-

но душа отдыхает, — побываем в такой семье и говорим: «живут, как Ангелы». Поразит ли наш взор какая-либо необыкновенная красота, опять скажем: «ангельская красота». И если нас попросят, если поручат нам нарисовать Ангела, и если мы владеем красками, как изобразим мы его? Непременно в виде прекрасного юноши, в белоснежной одежде, с светлым, ясным лицом, чистым взором, с белыми крыльями — словом, постараемся изобразить нечто привлекательное, нежное, чуждое земли и всего чувственного. И чем ярче в нашем рисунке отпечатаем мы эту отчужденность от земли, эту как бы воздушность, легкость, духовность, эту бесплотность, небесность, тем и рисунок будет совершеннее, тем больше взоров привлечет он к себе, тем яснее он будет напоминать взирающим о небожителе. Итак, вот, стало быть, что такое Ангелы, как об этом говорит нам, прежде всего, наше внутреннее чувство, внутреннее духовное чутье, наш внутренний непосредственный опыт.

С именем Ангела у нас связывается понятие о всем самом для нас дорогом, святом, привлекательном, чистом, совершенном, прекрасном, неземном. Ангел преднаписуется нашему внутреннему взору, как существо не от мира сего, духовное, свободное от всякой грубости и чувственности, словом, как существо небесное. И что внутреннее наше чувство говорит нам об Ангелах, быть может, не совсем ясно, смутно, то с особенной ясностью и очевидностью открывает нам слово Божие.

Слово Божие – это весть с неба и о небесном.

И чем чаще и глубже вчитываемся мы в него, тем ближе становится к нам и мир небесный – ангельский, тем осязательнее станем чувствовать мы его нашим сердцем, тем как бы отчетливее станут доноситься до нашего внутреннего слуха его победные песни. Как в чистой воде отражается солнце и звездное небо, так и в слове Божиим – этом источнике воды живой – отражается небо духовное – мир ангельский; в слове Божиим мы видим Ангелов как бы предстоящими перед нами.

По своей природе, учит нас слово Божие, Ангелы – это духи. *Не все ли суть служебные духи*, – говорит ап. Павел, – *посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение* (Евр. 1, 18). «Желаешь знать, – говорит блж. Августин, – имя его (Ангела) природы? Это – дух. Желаешь знать его должность? Это – Ангел. По существу своему он – дух, а по деятельности – Ангел». Но Ангелы – духи, не связанные, подобно нашему духу, плотью, которая противодействует духу, пленяет его законом греховным, стесняет, обрывает его полеты к небу, тянет постоянно к земле. Ангелы – духи свободные от всякой плотяности, ее законы для них чужды. Не мучит их голод, не томит их жажда. Неведом им потому и весь труд наш упорный при снискании хлеба насущного. *Проклята земля в делах твоих, терния и волчцы произрастят она тебе. В поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3, 17–19). Этот грозный приговор Божественного правосудия

изречен только падшему человеку, а Ангелы до конца пре-
были верными Творцу своему. Терния и волчцы не растут
на небе, пот не изнуряет лица ангельского. Они не сеют, не
жнут, не собирают в житницы, их не сушит забота о завтраш-
нем дне; наша борьба за хлеб, за существование, наши вза-
имные из-за этого распри, раздоры, войны, гнев, ненависть,
зависть незнакомы духам бесплотным. Правда, они испыты-
вают голод и чувствуют жажду, но не наш голод с болью, не
нашу жажду со страданием. Их голод – никогда не переста-
ющая потребность насыщаться сладостью созерцания красо-
ты божественной, сладостью познания премудрости вечной,
насыщаться единым хлебом живым.

«Хлебе святой, – молится иерей словами свт. Амвросия
Медиоланского перед Литургией, – Хлебе святой, Хлебе жи-
вый, Хлебе сладчайший. Хлебе вождение, Хлебе чистей-
ший, всякия сладости и благовония преисполненно! Тобою
питаются Ангели на небеси преизобильно; да насытится по
силе своей Тобою и пришлец человек на земли!»

«Питаются Ангели на небеси преизобильно», а все хо-
тят еще и еще насыщаться сладостию созерцания Божества.
Какой высокий, поистине небесный, блаженнейший голод!
Охвачены Ангелы и жаждою, но жаждою также небесной и
блаженной – жаждою все более и более тесного Богообще-
ния, проникновения Божеством, просвещения Им. Их жаж-
да – это никогда не перестающее устремление к Богу. Малое
подобие этой жажды бывает на земле. Так орел, распутивши

во всю ширь могучие крылья, взвивается ввысь и летит, поднимается все выше... выше... туда — вглубь неба. Но как бы высоко он ни поднялся, должен вновь спускаться долу. Так бывает: наш ум, в минуты наибольшего духовного напряжения, вдохновения, молитвы, властно порывая узы плоти, подобно орлу, несется к небесам, созерцает Бога, проникается Им, мыслит о Нем. Но, увы, и ум наш, непостоянный, колеблющийся, с небесных высот опять падает низу; разбивается на множество суетных мыслей, рассеивается. Не так Ангелы: их ум непрестанно, неизменно устремлен к Богу, ни на одно мгновение не отклоняется от Него, поворотов назад не ведет он. Ангелы *«твердым умом, неуклонным желанием водими суще»* созерцают Божество, поет о них Церковь. *«Любовию Божественною распаляются»* Ангелы (Октоих, гл. 1-й). Распалаясь даже этою любовью, разжигаясь зарею Божеского существа, от этой Божественной жажды Ангелы и сами становятся *«углем богоносным»* (Октоих, гл. 2-й). Канон в Понедельник утра, песнь 1-я: *«Причастием Божественного огня, якоже пламень бывает»*. *«Во огни пламенном предстоят Тебе Херувими, Серафими. Господи!»* (Октоих. Глас 4, вторник, песнь 8).

Какая поистине божественная, какая сладчайшая жажда! Так, в непрестанном созерцании Бога, в постоянном устремлении и возвышении к Нему, в никогда не смолкающем песнопении безмерной славы и величия Его живут на небе Ангелы.

На пути постоянного устремления и возвышения своего к Богу не знают они никаких остановок, преград и препятствий, не знают самого главного, самого основного, самого тяжкого на этом пути препятствия – греха, который то и дело своими узами связывает крылья нашего духа, стесняет его полет к небу и Богу. Ангелы уже не могут грешить. Вначале они, по учению блж. Августина, созданы были Богом с возможностью грешить, затем, неуклонным упражнением своей воли в добре, они перешли в состояние возможности не грешить и, наконец, укрепившись в послушании Богу, силою Божественной благодати, настолько усовершеншились, что достигли состояния невозможности грешить.

В этом блаженнейшем святом состоянии Ангелы и пребывают донныне на небе.

Как духи бесплотные, Ангелы не знают ни нашего пространства, ни времени; наши способы передвижения, сопряженные со многими усилиями и трудностями, им неведомы. Ангелы быстролетны, быстродвижны: Ангел сейчас в одном месте, в мгновение ока – в другом; ни стен, ни дверей, ни запоров для Ангелов нет. «Они, – учит Григорий Богослов, – свободно ходят окрест великого престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и Божественные духи, скоропереносящиеся по воздуху». И дверем затворенным проходят они, и видят сквозь стены, и никакая крепость, самая твердая, высокая и неприступная, не в силах сдержать их полета. На крыльях своих быстролетных неудержимо, свобод-

но носятся Ангелы: пред шумом духа их (ср.: Дан. 14, 36), как дым, исчезает, всякое пространство.

И не только сами легко так носятся Ангелы; Ангел, если приблизится к человеку, возьмет, поднимет его на крылья свои, то и для человека тогда перестает существовать уж пространство; покрытый кровом крыл ангельских, переносится он через самые отдаленные расстояния в мгновение ока. Так повествуется в книге Деяний Апостольских про св. ап. Филиппа: Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу... Он встал и пошел. На дороге встретил мужа эфиоплянина, евнуха, вельможу Кандакии, царицы Ефиопской, вступил с этим вельможей в беседу, обратил его ко Христу и крестил его. И вот, когда они вышли из воды, Дух Святый сошел на евнуха, Филиппа же восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его. А Филипп (сразу) оказался в Азоте (ср.: Деян. 8, 27–40).

Еще более дивное повествуется в Слове Божиим о пророках Данииле и Аввакуме. Пророк Даниил находился в плену вавилонском; по проискам и злобе язычников-вавилонян был он брошен царем в ров львиный. Шесть дней томился без пищи он там, львы не трогали праведника, но голод давал себя чувствовать. В то время был в Иудее пророк Аввакум, который, сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо, шел на поле, чтобы отнести их жнецам. Но Ангел Господень сказал Аввакуму: «Отнеси этот обед, который у тебя, в Ва-

вилон к Даниилу, в ров львиный». В удивлении воскликнул Аввакум: «Господин! Вавилона я никогда не видал и рва не знаю». И взял его тогда Ангел Господень за темя и, держа за власы главы его, поставил его в Вавилоне над рвом силою духа своего. И воззвал Аввакум и сказал: «Даниил! Даниил! возьми обед, который Бог послал тебе». Даниил, полный восторженных чувств, возблагодарил Господа: «Вспомнил Ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя!» И встал Даниил и ел; Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место», опять в Иудею (ср.: Дан. 14, 31–39).

Чудно, дивно это, други!

Нам, плотью связанным, странно, нам, отовсюду странством скованным, непонятно, как это можно: сейчас находиться здесь и в какую-либо секунду перенестись через сотни, тысячи, десятки тысяч, миллионы верст и очутиться сразу в другом месте, в иной стране, среди других людей, слышать чужой язык, увидеть другую природу. Странно, но не настолько, чтобы мы совершенно не могли вместить такой быстродвижности в уме своем; непонятно, но не настолько, чтобы быстродвижность такая стояла в прямом противоречии нашему уму. Человек, умаленный, по Слову Божию, *малым чим от Ангел* (ср.: Пс. 8, 6), в себе самом носит возможность ангельской быстродвижности. В самом деле, разве, скажите, не быстродвижен дух наш, разве не быстролетна мысль наша? Для мысли, для духа нашего также ведь нет никаких преград и препятствий. В мгновение ока мыслию

можем мы перенестись через самые громадные расстояния, в мгновение ока духом можем побывать в различных местах. А это, все более и более усиливающееся теперь, стремление покорить, препобедить пространство, прорезать его всевозможными, самыми скороходными машинами, эта, все более и более возрастающая, жажда оторваться от земли и на вновь изобретенных воздушных кораблях, как на крыльях, унести туда... высоко-высоко... где небо голубое, — о чем все это говорит, как не о том, что человек воистину «малым чим умален от Ангел», что его дух быстродвижен, его мысль бысролетна, что по духу, по мысли человек — ангел и также не связан пространством.

Увы, грех, живущий в нас, и на это стремление человека к ангельской бысролетности налагает свою тяжелую печать! Ангельскую бысролетность нашей мысли грех отравляет своим смертоносным и губительным ядом: человек с быстротой молнии пробегает целые пространства, переплывает моря с тем, чтобы как можно скорее нести с собою пагубу и гибель; человек, как птица, взвивается ввысь, и с этой высоты бросает вниз ужасные разрушительные снаряды.

О, братья дорогие, будем молиться, чтобы заложенная в нашем духе, в нашей мысли ангельская бысролетность все глубже и глубже прорезывала бы и рассекала окружающее нас пространство греха, станем работать над собою, чтобы наш дух быстродвижный, как Ангел, воспарял к Богу, уносился бы чаще к горнему, ангельскому миру!

Как духи бесплотные, Ангелы, видели мы, не знают пространства. Не ведают они и времени нашего. На небе нет ни нашего вчера, ни сегодня, ни завтра или, лучше, там есть только сегодня, днесь, приснобытие; не знают Ангелы ни наших дней, ни ночей, ни минут, ни часов; нет в их царстве ни зимы, ни весны, ни лета, ни осени или, лучше, есть там только одна весна, светлая, радостная; среди Ангелов – всегдашняя Пасха, непрестанный праздник, веселие вечное – Ангелы, по слову Спасителя, умереть уже не могут (см.: Лк. 20, 86). Разверстая, мрачная могила, могильные плиты и памятники не смущают взора ангельского, надгробные скорбные песни не тревожат их слуха, наше последнее, душу раздирающее «прости», незнакомо им, горечь разлуки не сдает их сердца, смерть тлетворным дыханием своим не искажает, не обезображивает красоты ангельской.

Жизнь, други, одна только жизнь жительствоует на небе, вечная, блаженная жизнь с Богом и в Боге – в Нем жизнь (ср.: Ин. 1, 4). Видали мы море широкое, безбрежное... глядишь, и конца нет ему, мысль теряется, как песчинка, как пылинка какая в необъятности его. Так вот и жизнь ангельская: безбрежна она, конца ей нет и меры нет. Мы с каждым днем все слабеем, стареем, дряхлеем, Ангелы же с каждым приближением к Богу все более и более юнеют, восходят от силы в силу, от совершенства к совершенству.

О, Ангелы Божии, какая тихость благодатная, какая улада в душе от одного лишь созерцания вашей жизни блажен-

ной! С горних высот дайте хоть каплю одну этой жизни в сердца наши!

А сердце наше, дорогие братья, так устроено, что имеет способность воспринимать, ощущать, на земле еще предвкушать жизнь ангельскую. Вы знаете: Ангелы потому не ведают времени и всего, соединенного с временем: постепенного увядания, старости, смерти, – потому что они живут в Боге. И человек, когда живет в Боге, входя с ним в теснейшее общение через молитву, также перестает считаться с временем, переходит часто за грань его, приближается к порогу вечности. Время становится для него незаметным, он, как говорится, не примечает времени. Пройдет много часов, а ему кажется, что едва-едва успело пройти несколько минут. Так сладко беседовать с Богом! «Бог, – говорит св. Иоанн Дамаскин, – в Себе Самом заключает всецелое бытие, как бы некоторое беспредельное и безграничное море сущности». И кто входит в это море, кто погружается в неисследимые глубины его – для того в глубинах этих исчезают минуты, часы – все время, и остается одна только вечность, и в вечности – вечный Бог.

Недалеко от Троице-Сергиевой Лавры есть скит Гефсиманский. В этом скиту подвизался в затворе старец, иеросхимонах Александр († 9 февр. 1878 г.), неустанный делатель умносердечной молитвы Иисусовой. Про этого старца бывший ученик и келейник его, теперь маститый игумен, сам мудрый старец и испытанный учитель в духовной жизни,

рассказывает:

«Бывало, пойдешь ко всенощной и зайдешь к старцу, отцу Александру, – он сядет при мне на стул; уйдешь ко всенощной и по окончании службы опять зайдешь к старцу, а старец все сидит на том же месте с молитвою. Услыша шум, он поднимет голову и, увидя меня, как бы удивится и спросит: «Неужели всенощная отошла? Мне думалось, что я только что сел, а времени прошло уже четыре часа, за молитвой Иисусовой времени не вижу, оно течет так скоро, как будто бы летит».

Если здесь на земле, в царстве смерти и времени человек в беседе с Богом совершенно забывает время, выходит из его каскадного водоворота, то понятно вам, возлюбленные, почему на небе, в царстве жизни вечной, нет и совсем не может быть времени? Там у Ангелов одно только в мысли, одно в сердце – Бог вечный. А «вечность, – Любомудрствует св. Григорий Богослов, – есть такое продолжение, которое простирается наравне с вечным, не делится на части, не измеряется каким-либо движением, ни течением солнца... вечность не есть ни время, ни часть времени, – она неизмерима».

Неизмеримая, безграничная заповедь дана и нам с вами, други: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Поддерживаемые десницею Божией, встаньте твердо, неуклонно на этот путь духовного возрастания и совершенствования во Христе Иисусе, и вы уподобитесь Ангелам:

всею душою почувствуете, как пред вами начинает исчезать время, дни, недели, месяцы, годы, и перед взором вашим во всем величии своем и необъятности, как перед Ангелами, будет разворачиваться вечность... вечность... вечность...

Много ли Ангелов? Можно ли исчислить их? Нет. Неизмеримо блаженство Ангелов, неизмеримо и число их. Они окружают престол Божий тьмами тем и тысячами тысяч. *Видел я, – повествует пророк Даниил, – вот поставлены были престолы и воссел Ветхий деньми... Огненная река выходила и проводила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним* (Дан. 7, 9–10). А пастыри вифлеемские в святую Рождественскую ночь видели многочисленное воинство Небесное, которое воспевало: «*Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение*» (ср.: Лк. 2, 14). Когда Господь Иисус Христос взят был в саду Гефсиманском и апостол Петр, в защиту Учителя своего, извлек меч свой, ударив раба первосвященникова, Господь сказал Петру: *возврати меч твой в его место... или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более нежели двенадцать легионов Ангелов*» (Мф. 26, 52).

Легионы Ангелов... Многочисленное воинство... Тьмы тем и тысячи тысяч... Видите, как слово Божие исчисляет Ангелов: всем этим оно хочет сказать нам: мир ангельский – необъятный. Вот почему в слове Божиим и сравниваются Ангелы со звездами (Иов. 38, 7). Звездами можно любоваться, можно, взирая на них, прославлять Творца, но

счесть их нельзя; так и Ангелов: можно им молиться, можно воспевать их, но сказать, сколько их, нельзя. Замечательные мысли о необъятности ангельского мира высказывает св. Кирилл Иерусалимский. «Представь, — говорит он, — как многочислен народ римский; представь, как многочисленны другие народы грубые, ныне существующие, и сколько их умерло за сто лет; представь, сколько погребено за тысячу лет; представь людей, начиная от Адама до настоящего дня: велико множество их, но оно еще мало в сравнении с Ангелами, которых более. Их девяносто девять овец, а род человеческий есть одна только овца; по обширности места должно судить и о многочисленности обитателей. Населяемая нами земля есть как бы некоторая точка, находящаяся в средоточии неба: посему, окружающее ее небо столь же большее имеет число обитателей, сколько больше пространство; а небеса небес содержат их необъятное число; тысячи тысяч служаху Ему, и тьмы тем предстояху Ему (Дан. 7, 10); это не потому, чтобы такое именно было число Ангелов, но потому, что большего числа пророк изречь не мог». Так велик, так необъятен ангельский мир! И какой порядок, какая дивная гармония, стройность и мир царят в ангельском мире при всей его необъятности! Не думайте искать среди Ангелов, взирая на взаимную любовь их, равенства или разнузданной свободы, что выставляется и проповедуется часто у нас как идеал, как верх совершенства. Нет, ничего подобного не найдете у Ангелов. «И там, — замечает один святитель, — одни

начальствуют и предстоят, другие повинуются и последуют. Существенное и полное равенство находится только между тремя Лицами Пресвятыя Троицы: Богом Отцом, Богом Сыном и Богом Духом Святым».

Но, ах, зачем же, скажет кто-либо, различие, степени даже и среди небожителей? Неужели и на небе нельзя обойтись без чинов и степеней? Да притом, не вносят ли степени и чины в жизнь Ангелов некоторого разлада, некоторой дисгармонии? И разве возможно полное блаженство при неравном распределении его? Если и на небесах одни начальствуют и предстоят, другие же повинуются и последуют, то не получается ли и там того, что постоянно почти имеет место у нас на земле: повинующиеся и последующие не питают ли некоторого чувства зависти, некоторого недовольства по отношению к начальствующим и предстоящим? Высшее состояние одних и низшее других не бросает ли хотя бы и самой малой тени на светлую ангельскую жизнь? Все подобные недоуменные вопросы возникают в нас потому, что слишком к земле мы привязаны, так что и о небесном-то мы мыслим часто по-земному и на небо переносим то, с чем сроднились на земле, совершенно упуская при этом из виду самое основное, самое резкое отличие неба от земли: на земле – грех, на небе нет его. А от греха-то и происходят, и произрастают, как из корня, всякие ненормальности, всякие отклонения от правды и истины. Так и в данном случае: неразличие в степенях и чинах порождает в различаемых недовольство, за-

висть, а грех придает различию свой греховный оттенок суеты, исполняющей различие своею ядовитой горечью. Различие земное проистекает нередко из мелкого тщеславия, им питается и поддерживается, внося в высших чувства властолюбия, честолюбия, немилосердия, даже жестокости в отношении к низшим; в низших же поселяющее ропот, развивающее лесть, низкопоклонничество, человекоугодничество, лицемерие, раболепство. Все это – искажения греха. На небе не может быть этого. Чины и степени ангельские – это как бы различные тона одной и той же гармонии, различные краски единой картины великого Художника – Творца. Различие Ангелов – это различие звезд на небе голубом, различие цветов благоуханных на лугах зеленых; различие Ангелов – это различие голосов в хоре стройном, – различие, создающее гармонию, величие, красоту.

Откуда же знаем мы, возлюбленные, о чинах и степенях ангельских? Сказал, поведал нам об этом тот, кто сам, своими очами, видел эти чины и степени ангельские, кто сам слышал их песни умиленные, их гимны победные, – верховный апостол языков, Павел. «Знаю, – рассказывает он о себе, – человека во Христе, который... в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает, – восхищен был до третьего неба... в Рай, и слышал неизреченные глаголы, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 2–4). Нельзя потому, что не выдержит сердце, не вместит ум. Посему-то и не мог апостол Павел пересказать никому глаголов, слышанных им

на небе. Но о том, каков строй жизни Ангелов, какие среди них есть степени, – обо всем этом Апостол пересказал своему ученику, которого он из язычников обратил ко Христу, когда был в Афинах. Имя этого ученика Павлова – Дионисий Ареопагит (он был членом Ареопага, верховного суда Афинского). Дионисий все, слышанное им от Павла, записал и составил книгу: «О Небесной иерархии».

Устройство ангельского мира по этой книге представляется в таком виде: все Ангелы разделяются на три лика, а в каждом лике находится по три чина.

Так, первый лик: в нем – три чина. Первый чин – Серафимы; второй чин – Херувимы; третий чин – Престолы.

Далее следует второй лик: в нем также три чина. Первый чин – Господства; второй чин – Силы; третий чин – Власти.

Наконец, третий лик, и в нем следующие три чина: первый чин – Начала; второй чин – Архангелы; третий чин – Ангелы.

Итак, вы видите, все Ангелы разделяются на три лика и на девять чинов. Так и принято говорить: «девять чинов ангельских». Какой божественный порядок, какая дивная стройность! Не замечаете ли вы, возлюбленные, в устройстве ангельского мира явного отпечатка Божества Самого? Бог един, но троичен в лицах. Смотрите: и в ангельском мире сияет этот Трисолнечный Свет. И, приметьте, какая строгая последовательность, какое чудное троичееское расположение, троическое единство: один лик и три чина; и опять: один лик и три чина; и опять: один лик и три чина. Что это,

как не ясное отображение Св. Троицы, не глубокий след Триединого Бога? Один Бог – один лик; три Лица – три чина. И, затем это повторение, это какое-то усиление, божественное умножение: лик один, лик один, лик один – один взят три раза; чинов: три, три, три – выходит: трижды три. Такое умножение, повторение, как бы подчеркивание не означают ли того, что сияние Трисолнечного Света изливается в ангельском мире особенно обильно, не только изливается, но и преизливается, что присносушная жизнь Источника Триединого течет в Небесных силах никогда не прерывающимся, изобильным, преумноженным потоком.

Да, глубока, непостижима тайна Триипостасного Божества, – точию Дух Божий испытует и ведает эти глубины Божий; глубока, непостижима тайна и трехчисленность мира ангельского – и сами Ангелы не вполне постигают ее. Воистину, «велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!»

Остановимся теперь внимательнее на каждом чине ангельском в отдельности.

Что мы знаем об Ангелах?

Природа Ангелов

По своей природе Ангелы суть деятельные духи, имеющие разум, волю, знание. Они служат Богу, исполняют Его промыслительную волю и прославляют Его. Они – духи бесплотные и поскольку принадлежат к миру невидимому, не поддаются лицезрению нашими телесными очами. «Когда Ангелы, – наставляет прп. Иоанн Дамаскин, – по воле Божьей являются достойным людям, то являются не такими, каковы сами в себе, а в таком преображенном виде, в каком плотские могут видеть их». В повествовании книги Товита Ангел, сопровождающий Товита и его сына, сказал им о себе: *все дни я был видим вами, но я не ел и не пил, а только взорам вашим представлялось это* (Тов. 12, 19).

«Впрочем, – высказывает мысль прп. Иоанн Дамаскин, – бестелесными и невещественными называется Ангел только по сравнению с нами. Ибо в сравнении с Богом, Единым несравнимым, все оказывается грубым и вещественным; одно Божество всецело невещественно и бестелесно».

Митр. Макарий. Догматическое богословие

Природа Ангелов

По природе своей Ангелы суть духи бесплотные, совершеннейшие души человеческой, но ограниченные.

Ангелы суть духи

Так учит Св. Писание, когда говорит об Ангелах вообще: *не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение* (Евр. 1, 14); когда, в частности, приписывает им существенные свойства духа: ум и волю, упоминая о желании их приникнуть в тайну нашего искупления, о неведении ими последнего дня мира и об их святости и под.

Ангелы суть духи бесплотные

Эта мысль если не прямо выражена в Св. Писании, по крайней мере открывается из снесения разных мест его. В одном месте оно свидетельствует, что Ангелы суть духи (ср.: Евр. 1, 14), точно так, как и о Боге говорит: Дух есть Бог (Ин. 4, 21). В другом – объясняет, что дух плоти и кости не имать (Лк. 24, 39), даже и такой плоти, какова была плоть Христа Спасителя по воскресении, плоть прославленная, в которой Он мог входить к ученикам своим дверем затворенным (см.: Ин. 20, 19). В третьем – замечает собственно касательно Ангелов, что они, в противоположность людям, облеченным плотью, *ни женятся, ни посягают* (Мф. 22, 30),

что они даже не могут умирать (ср.: Лк. 20, 35–36). И если бы Ангелы были облечены какою-либо плотью, как облечены люди: отчего, спрашивается, Слово Божие нигде прямо не упоминает о теле Ангелов, а называет их духами, тогда как людей нигде прямо не называет духами, но, приписывая им дух или душу, приписывает вместе и тело? Правда, есть в Библии сказания, что Ангелы нередко являлись людям в чувственных образах: но и сам Бог, по свидетельству Библии, являлся иногда в чувственном же виде. Это значит только, что как Бог, так и Ангелы, по воле Его, могут по временам принимать на себя какой-либо видимый для человека образ. Но выводить отсюда, будто Ангелы или Бог постоянно облечены телом, было бы неосновательно. Упоминается еще в Св. Писании о языке Ангелов, которым они славословят Бога, окружая престол Его (Ис. 6, 1–3; 1 Кор. 13, 1). Но как под именем престола Божия, без сомнения, нельзя разуместь престола вещественного, на котором будто бы Бог восседит, подобно царям земным; так, конечно, и языка Ангелов и их славословия не должно понимать в смысле чувственном: все это только образное представление предметов духовных, которые иначе не могут быть доступны понятиям человека. Мысль о бесплотности Ангелов была самою господствующею мыслью у св. отцов и учителей Церкви. Касательно же тех изречений отеческих, в которых Ангелам приписывается какая-либо вещественность или плотность, надобно заметить следующее: а) Одни из древних

христианских учителей, усвояя Ангелам телесность, хотели сказать только, что Ангелы имеют действительное (реальное) бытие: тело у этих учителей означало сущность или существо (substantia), и потому они иногда называли телесным даже Бога, как заметил еще блж. Августин о Тертуллиане. Здесь, следовательно, мысль верная, а неточность только в слове. б) Другие называли Ангелов телесными в том смысле, что хотя они не облечены никакою плотью, но самая духовность их природы имеет свои границы и сравнительно с природою Бога, Существа высочайшего, является как бы дебею и вещественною. Так, св. Иоанн Дамаскин, определивши, что Ангел есть существо бестелесное, присовокупляет: «впрочем, бестелесным и невещественным называется Ангел только по сравнению с нами. Ибо в сравнении с Богом, единым несравнимым, все оказывается грубым и вещественным; одно Божество всецело, невещественно и бестелесно». Мысль частная, но благочестивая, проистекающая, очевидно, из понятия о совершеннейшей духовности Божией и нимало не исключаяющая догматического учения Церкви, что Ангелы суть духи, не облеченные плотью. в) Третьи приписывали Ангелам телесность в том смысле, что они, как существа ограниченные, необходимо определяются местом и не могут быть в одно время везде. «Потому, говорит блж. Августин, мы называем разумные природы телесными, что они описываются местом, подобно душе человеческой, заключенной в теле». Значит, и эта мысль, усвояющая Ангелам

телесность только в смысле переносном, не исключает положительного учения о бесплотности Ангелов. После изложенных замечаний остается уже самое ограниченное число древних учителей, которые, по-видимому, приписывали Ангелам тело в собственном смысле, хотя и тончайшее, эфирное или огненное, именно: Иустин мученик, Ориген, Мефодий, Феогност. Но это мнение их и должно считать только частным мнением немногих.

Свт. Григорий Богослов

После Троицы – светозарны невидимые Ангелы. Они свободно ходят вокруг великого престола – быстродвижимые умы, пламень и божественные духи и усердно служат высоким велениям Бога. У них нет ни супружества, ни скорбей, их не разделяют друг от друга ни члены, ни обители. Они все единомысленны и каждый тождествен сам с собой: одно естество, одна мысль, одна любовь – вокруг великого Царя Бога. Они не ищут утешения ни в детях, ни в супругах, ни в том, чтобы для них нести сладостные труды. Не вожделенно им богатство, не вожделенны и те помышления на злое, какие смертным приносит земля. Они не плавают по морям, не сеют в угождение необузданному чреву, этому исходящу греха. У них одна совершеннейшая пища – насыщать ум величием Божиим и в Светлой Троице черпать безмерный свет. Одинокую жизнь проводят эти чистые служители чи-

стого Бога. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плоти ведут начало и не обретают плоти, но пребывают, какими созданы. Для них в девстве уготован путь Богоподобия, ведущий к Богу, согласный с намерениями Бессмертного, Который премудро правит кормилом великого мира.

Свт. Василий Великий

Ангелам, которые не имеют никакого покрова, подобного нашей плоти, ничто не препятствует непрестанно взирать на лине славы Божией.

* * *

Ангелы не претерпевают изменения. Нет между Ангелами ни отрока, ни юноши, ни старца, они остаются в том состоянии, в каком сотворены вначале, и состав их сохраняется чистым и неизменным.

Свт. Иоанн Златоуст

(Ангельские силы) нисходят с крыльями не потому, чтобы у этой бестелесной силы были крылья, но в знак того, что они сходят с высочайших областей, оставив горние обители.

Прп. Иоанн Лествичник

Ангелы – бестелесные существа, они не пребывают без преуспеяния, но всегда приемлют славу к славе и разум к разуму.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово об Ангелах

Ангелы и душа называются бесплотными, как не имеющие нашей плоти, называются духом, как существа тонкие, совершенно отличающиеся от предметов, составляющих вещественный мир.

* * *

Из... Священного Писания видна и причина, по которой Ангелы сокрыты от взоров человеческих. Причина эта заключается не столько в неспособности очей человеческих к видению бесплотных, сколько в нашем падении. Писание прямо говорит, что Бог отверз очи лжепророку Валааму, и он увидел Ангела; по мановению Божию увидела его и ослица Валаамова. Враги израильтян окружили некогда город, в котором жил великий пророк Елисей. Его слуга вышел рано из дому и, увидев, что войско с конницею и колесница-

ми обступило город, пришел в страх и, возвратясь к пророку, сказал ему: *О господине, что сотворим? И рече Елисей: не бойся, яко множае иже с нами, нежели с ними. И помолися Елисей и рече: Господи, отверзи ныне очи отрока, да узрит. И отверзе Господь очи его, и виде: и се гора исполнь коней, и колесница огненна окрест Елисея* (4 Цар. 6, 15–17). По слову святого Андрея отверзлись очи сребролюбца, и он увидел Ангела тьмы. Словом сказать, тщательное исследование Священного Писания, отеческих писаний и Деяний ясно доказывают нам, что состояние падения соделало нас неспособными видеть Ангелов, что тем из святых отцов, которые достигли высочайшего совершенства и которые уже не могли быть обмануты Ангелами тьмы, был открыт мир духов. Таковыми были Антоний Великий, Макарий Египетский и Александрийский, Нифонт, епископ Кесарийский, и другие величайшие отцы, преимущественно достигшие крайней чистоты продолжительною и тщательною монашескою жизнью. Некоторый старец пришел в келлию Иоанна Колова и нашел его спящим, а Ангел веял над ним. Старец увидел это и удалился. Иоанн, когда восстал от сна, спросил ученика своего: Приходил ли сюда кто в то время, как я спал? Он отвечал, приходил такой-то старец. И уразумел авва Иоанн, что старец достиг его меры и видел Ангела¹. Итак, достижение высокой меры чистоты и святости признавал великий угодник Божий причиною видения Ангела. Св. Макарий Вели-

¹ Патерик Скитский.

кий научает, что немногие христиане достигают того, чтоб видеть души и Ангелов², что, однако, не препятствует этим христианам быть святыми: почему некоторые из святых однажды в жизни или весьма редко сподоблялись видения Ангелов, а иные и в течение всей жизни не сподоблялись видеть их, хотя ум их отчасти или вполне отверзт был к разумению Писаний. По особенному же Промыслу Божию видели Ангелов люди весьма обыкновенной жизни и даже порочной, как лжепророк Валаам. Весьма вероятно, что до падения Адам и Ева находились в общении с Ангелами света и беседовали с ними; это общение с Ангелами возвратил человечеству Искупитель, и все христиане, особливо благочестивой жизни, находятся в общении с ними благими помыслами и ощущениями, а совершенно очищенные и видят их. По смерти же и общем воскресении все христиане, сподобившиеся блаженной вечности, вступают в ближайшее общение с ними и видят их: потому что и человеки душами своими и прославленными бессмертными телами будут подобны и равны Ангелам по удостоверению Евангелия. Для видения Ангелов человеками нужно изменение в человеках: изменение это, или превращение, отнюдь не нужно для Ангелов. В будущем веке, по воскресении мертвых, человеки *яко Ангела Божий на небеси суть* (Мф. 22, 30), *равни бо суть Ангелом, и сынове суть Божий воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

² Беседа 7, гл. 6.

Сщмч. Дионисий Ареопагит. О Небесной иерархии

ГЛАВА I. О том, что всякое Божественное просвещение, по благодати Божией различно сообщаемое тем, кои управляются Промыслом, само в себе просто, и не только просто, но и единотворит с собою просвещаемых

...В первоначальном установлении обрядов светейшая наша иерархия образована по подобию премирных Небесных чинов, и невещественные чины представлены в различных вещественных образах и уподобительных изображениях, с тою целию, чтобы мы, по мере сил наших, от священных изображений восходили к тому, что ими означается, – к простому и не имеющему никакого чувственного образа. Ибо ум наш не иначе может восходить к близости и созерцанию Небесных чинов, как при посредстве свойственного ему вещественного руководства: т. е. признавая видимые украшения отпечатками невидимого благолепия, чувственные благоухания – знамениями духовного раздаяния даров, вещественные светильники – образом невещественного озарения, пространные в храмах предлагаемые наставления – изображением умственного насыщения духа, порядок видимых украшений – указанием на стройный и постоянный порядок на небесах, принятие Божественной евхаристии – общением с Иисусом; кратко, все действия, принадлежащие

Небесным существам, по самой их природе, нам преданы в символах. Итак, для сего-то возможного для нас богоуподобления, при благодетельном для нас установлении тайноначалия, которое и открывает взору нашему Небесные чины и нашу иерархию возможным уподоблением Божественному их священнослужению представляет сослужащею чинам Небесным, под чувственными образами предначертаны нам пренебесные умы в священных письменах, дабы мы чрез чувственное восходили к духовному, и чрез символические священные изображения – к простой, горней Небесной иерархии.

ГЛАВА II. О том, что Божественные и небесные предметы прилично изображаются под символами, даже с ними и несходными изображения для описания умных сил, не имеющих образа, имея в виду, как выше сказано, наш разум, заботясь о свойственной и ему сродной способности возвышаться от дольного к горнему и приспособляя к его понятиям свои таинственные священные изображения

1. Итак, мне кажется, должно сперва изложить, какую мы назначаем цель всякой иерархии, и показать ту пользу, какую каждая доставляет созерцателям ея; потом – изобразить Небесные чины, соответственно таинственному учению о них Писания; наконец сказать, под какими священными изображениями Св. Писание представляет стройный порядок Небесных чинов, и указать ту степень простоты, которой

надобно достигать посредством сих изображений. Последнее нужно для того, чтобы мы не представляли грубо, подобно невеждам, небесных и богоподобных умных сил, имеющими много ног и лиц, носящими скотский образ волов или звериный вид львов, с изогнутым клювом орлов, или с птичьими перьями; равно не воображали бы и того, будто на небе находятся огневидные колесницы, вещественные троны, нужные для восседания на них Божества, многоцветные кони, военачальники, вооруженные копьями, и многое тому подобное, показанное нам Св. Писанием под многоразличными таинственными символами (см.: Иез. 1, 7; Дан. 7, 9; Захар. 1, 8; 2 Мак. 3, 25; И. Нав. 5, 13). Ибо явно, что богословие употребило священные пиитические изображения для описания умных сил, не изменяющих образа, имея в виду, как выше сказано, наш разум, заботясь о свойственной и ему сродной способности возвышаться от дольного к горнему и приспособляя к его понятиям свои таинственные священные изображения.

2. Если же кто соглашается, что сии священные описания следует принимать, так как существа простые сами в себе неведомы для нас и невидимы, тот пусть знает еще, что чувственные изображения святых умов, встречающиеся в Св. Писании, несходны с ними и что все сии оттенки ангельских имен суть, так сказать, грубы. Но говорят: богословы, приступая к изображению в чувственном виде существ совершенно бестелесных, должны были отпечатлеть и пред-

ставить их в образах, им свойственных и, сколько возможно, с ними сродных, заимствуя таковые образы от существ благороднейших — как бы невещественных и высших; а не представлять небесных, богоподобных и простых существ в земных и низких многообразных изображениях. Ибо в первом случае и мы удобнее могли бы возноситься к горнему, и изображения премирных существ не имели бы совершенно несходства с изображаемым; тогда как в последнем случае и Божественные умные силы унижаются и наш разум заблуждает, прилепляясь к грубым изображениям. Быть может, иной в самом деле подумает, что небо наполнено множеством львов и коней, что там славословия состоят в мычании, что там стада птиц и других животных, что там находятся низкие вещи — и вообще все, что Св. Писание для объяснения чинов ангельских представляет в своих подобиях, которые совершенно несходны и ведут к неверному, неприличному и страстному. А по моему мнению, исследование истины показывает, что святейшая Премудрость, источник Писания, представляя Небесные умные силы в чувственных образах, и то и другое так устроила, что сим и Божественные силы не унижаются и мы не имеем крайней необходимости привязываться к земным и низким изображениям. Не без основания существа, не имеющие образа и вида, представляются в образах и очертаниях. Причиною сему, с одной стороны, то свойство нашей природы, что мы не можем непосредственно возноситься к созерцанию духовных предметов

и имеем нужду в свойственных нам и приличных нашему естеству пособиях, которые бы в понятных для нас изображениях представляли неизобразимое и сверхчувственное; с другой стороны, то, что Св. Писанию, исполненному таинств, весьма прилично скрывать священную и таинственную истину премирных умов под непроницаемыми священными завесами и чрез то соделывать ее недоступною людям плотским. Ибо не все посвящены в таинства, и не во всех, как говорит Писание, есть разум (ср.: 1 Кор. 8, 7). А тем, которые стали бы порицать несходственные образы и говорить, что они неприличны и обезображивают красоту богоподобных и святых существ, довольно отвечать, что Св. Писание двояким образом выражает нам свои мысли.

3. Один – состоит в изображениях по возможности сходных с священными предметами; другой же – в образах несходных, совершенно отличных, далеких от священных предметов. Так таинственное учение, преданное нам в Св. Писании, различным образом описывает досточтимое высочайшее Божество. Иногда оно именует Бога словом, умом и существом (Ин. I, 1; Пс. 135, 1–26), показывая тем разумение и премудрость, свойственную одному Богу; и выражая то, что Он-то истинно и существует, и есть истинная причина всякого бытия, уподобляет Его свету и называет жизнью. Конечно, сии священные изображения представляются некоторым образом приличнее и возвышеннее чувственных образов, но и они далеки от того, чтобы быть точным

отражением высочайшего Божества. Ибо Божество превышает всякого существа и жизни; никакой свет не может быть выражением Его; всякий ум и слово бесконечно далеки от того, чтобы быть Ему подобными. Иногда тоже Св. Писание величественно изображает Бога чертами, несходными с Ним. Так оно именует Его невидимым, беспредельным и непостижимым (ср.: 1 Тим. 6, 16; Пс. 144, 13; Рим. 11, 33) и этим означает не то, что Он есть, но что Он не есть. Последнее, по моему мнению, даже еще свойственнее Богу. Потому что, хотя мы и не знаем невместимого, непостижимого и неизреченного беспредельного бытия Божия, однако ж на основании таинственного Священного Предания истинно утверждаем, что Бог ни с чем из существующего не имеет сходства. Итак, если по отношению к Божественным предметам отрицательный образ выражения ближе подходит к истине, чем утвердительный, то при описании невидимых и непостижимых существ несравненно приличнее употреблять изображения, несходные с ними. Потому что священные описания, изображая Небесные чины в несходных с ними чертах, тем самым придают им более чести, нежели бесславия, и показывают, что они превыше всякой вещественности. А что сии несходные подобию более возвышают наш ум, и в этом, как я думаю, никто из благоразумных не будет спорить. Ибо благороднейшими изображениями скорее бы некоторые обманулись, представив себе Небесные существа златовидными, какими-то мужами световидными, молниеносными, краси-

выми по виду, одетыми в светлые ризы, испускающими безвредный огонь, или под какими-либо другими подобными видами, в которых богословие изображает Небесные умы. Потому, чтобы предостеречь тех, которые в понятиях своих не восходят далее видимых красот, святые богословы по своей мудрости, возвышающей наш ум, прибегли к таковым очевидно несходным подобиям с тою святою целию, чтобы не допустить чувственную нашу природу навсегда остановиться на низких изображениях; но чтобы самым несходством изображений возбудить и возвысить ум наш, так чтобы и при всей привязанности некоторых к вещественному показалось им неприличным и несообразным с истиною, что существа высшие и Божественные в самом деле подобны таким низким изображениям. Впрочем, не должно забывать и того, что нет ничего в мире, что бы не было совершенно в своем роде; ибо *вся добра зело*, говорит небесная истина (Быт. 1, 31).

4. Итак, из всего можно извлекать мысли хорошие, и для существ духовных и разумных находить в вещественном мире так называемые несходные подобия; потому что в существах духовных должно понимать все, что ни приписывается существам чувственным, совершенно в другом виде. Так гнев в бессловесных тварях происходит от страстного устремления, и гневное движение их исполнено бессмысленности. Но не так должно понимать гнев в существах духовных. Он, по-моему мнению, выражает сильное разумное движение и постоянный навык пребывать в бого-

подобном и неизменном состоянии. Равным образом, вождением в бессловесных называем слепое некоторое и грубое неудержимое стремление к переменным наслаждениям, рождающееся от врожденного движения или привычки, и бессмысленное преобладание телесного влечения, побуждающего животное к тому, что приманчиво для чувств. Когда же мы существам духовным придаем вождение, при описании их несоответствующими им чертами, то должно разуметь под оным священную их любовь к невещественности, непостижимую и неизреченную для нас, неуклонное и неослабное стремление их к чистейшему и ничем не возмущаемому созерцанию, к вечному и духовному единению с чистейшим и высочайшим светом, с истиною и украшающею их красотою. Неудержимость в них должно понимать за непреодолимое стремление, которое ничем не может быть удержано по чистой и неизменной любви их к божественной красоте и по всецелой наклонности к истинно-вождевному. Самою несловесностию и нечувственностию в бессловесных животных, или неодушевленных вещах, мы собственно называем отсутствие слова и чувства; напротив, в существах невещественных и духовных мы благоговейно исповедуем чрез сие превосходство их, как существ премирных, пред нами по отношению к нашему слову, произносимому органом и состоящему из звуков, и по отношению к телесным чувствам, чуждым для бестелесных умов. Итак, и от маловажных предметов вещественного мира можно заимство-

вать образы, не неприличные для Небесных существ, потому что мир сей, получив бытие от Истинной Красоты, в устройстве всех своих частей отражает следы духовной красоты, которые могут возводить нас к невещественным первообразам, если только мы будем самые подобия почитать, как выше сказано, несходными и одно и то же понимать не одинаковым образом, а прилично и правильно различать духовные и вещественные свойства.

5. Мы увидим, что таинственные богословы прилично употребляют такие подобия не только при описании небесных красот, но и там, где изображают Божество. Так они, заимствуя образы иногда от предметов возвышеннейших, воспевают Бога, как солнце правды (ср.: Мал. 4, 2), как звезду утреннюю (ср.: Откр. 22, 16), благодатно восходящую в уме, как немерцающий и умный свет; иногда – от предметов менее высоких – именуют Его огнем, неврединно светящим (Исх. 3, 2), водою жизни, утоляющею духовную жажду, или говоря несобственно, текущею во чрево и образующею реки, непрестанно текущие (ср.: Ин. 7, 38), а иногда, заимствуя образы от низких предметов, называют Его миром благовонным, камнем краеугольным (ср.: П. Песн. 1, 2; Еф. 2, 20). Кроме того, они представляют Его под образом зверей, приписывая Ему свойство льва и леопарда, уподобляя рыси и медведице, лишенной детей (ср.: Ос. 13, 7–8). Присовокуплю к сему и то, что кажется, всего презреннее и что всего менее Ему прилично. Он Сам Себя представ-

ляет под видом червя (см.: Пс. 21, 7), как предали нам мужи, постигшие тайны Божии. Таким образом, все богомудрые мужи и истолкователи тайн откровения отличают Святая Святых от предметов несовершенных и неосвященных и вместе благоговейно приемлют священные изображения, хотя они и не точны, так что для несовершенных Божественное делается недоступным, а любящие созерцать божественные красоты не останавливаются на сих изображениях как бы на подлинных. Притом более воздается славы божественным предметам, когда они описываются точными отрицательными чертами и представляются в несходных изображениях, заимствованных от вещей низких. Следовательно, не будет никакой несообразности, если по вышесказанным причинам и употребляются при описании Небесных существ совершенно несходные с ними подобия. Да и мы, может быть, не стали бы заниматься исследованием, к которому понуждаемся теперь недоумениями, и до таинственного понимания не возвысились бы чрез тщательное постижение предметов священных, если бы несообразность изображений, замечаемая в описании Ангелов, не поражала нас, не позволяя уму нашему останавливаться на несходных образах, но всегда побуждая отвергать все материальные свойства и научая чрез видимое благоговейно возноситься к невидимому. Вот что надобно сказать в рассуждении вещественных и несходных изображений ангельских, встречающихся в Св. Писании. Теперь нужно определить, что разумеет мы под

самую иерархию, и каково положение тех, которые участвуют в ней. Пусть руководителем в слове будет Сам Христос, и если могу сказать, мой Христос, Наставник в изъяснении всякой иерархии. Ты же, сын мой, сообразно с святым установлением, преданным нам от наших иерархов, благоговейно внимай священным словам, осеняемый вдохновением от вдохновенного учения, и, скрыв святыя истины во глубине души как единообразные, тщательно храни оные от людей непосвященных; ибо, по учению Писания, не должно бросать пред свиньями чистого, светлого и драгоценного украшения умных маргаритов.

Свт. Иннокентий Херсонский. О существах высших человека, или о духах

Имеют ли Ангелы вид определенный? Священное Писание представляет их в известных видах, например, в виде Херувимов при ковчеге; в пророчестве Исайи, в Откровении Иоанна также можно видеть Ангелов в известных определенных формах, но это суть не более как эмблемы. Имеют ли сии эмблемы сходство физическое и как далеко простирается сие сходство – это утверждать не можно. Например, Ангелы представляются летающими; может быть, есть у них что-нибудь сходное с полетом птиц, а может быть, и нет.

Как Ангелы сообщаются между собою? Священное Писание говорит, что у них есть язык. *Аще языки человечески-*

ми глаголю и аггелъскими, — говорит апостол Павел (1 Кор. 13; 1). Правда, это можно принимать за метафору; но можно принять и в собственном смысле. Ибо сердцеведение должно принадлежать только одному Богу. Если же так, то у Ангелов должен быть внешний способ обнаружения своих мыслей, следовательно, должно быть что-то, похожее на наш язык.

Так, по Священному Писанию, Ангелы суть духи, и по сему имеют ум и волю. Ум ангельский и без Писания должно представлять чистым и лучшим нашего ума, а волю — совершеннейшей и благой. Впрочем, Священное Писание не представляет ума их всесовершенным и воли всеблагой. Оно представляет их усовершенствующимися (Еф. 3, 10): *Да скажется ныне началом и влаstem на небесных Церковию многоразличная премудрость Божия*. И прежде Ангелы знали о сей премудрости, о сей тайне, но несовершенно (1 Пет. 1, 12): *в ня-же жселают Аггели приникнути*. Итак, Ангелам доставляется приращение мудрости с земли, без сомнения, оно же доставляется и от других миров. Воля Ангелов занимается благими делами и чрез сие усовершенствуется. Так, по свидетельству Священного Писания (Лк. 15; 10), они занимаются спасением грешников и радуются об одной душе грешной обратившейся. Существовая столько веков, имея столь совершенные способности, видя столько опытов, они, без сомнения, много усовершеншились. Утверждены ли они в добре так, что не могут отпасть от него? Церковь принимает это утвердительно потому, что Священное Писание изображает Ангелов со-

вершенными, такими, что пасть не могут. Особенно Церковь основывается на том месте, в котором они представляются на последнем Суде окружающими престол Божий. Если они до того времени сохраняют свою чистоту, а после уже не будет случая и возможности потерять ее, то отсюда можно заключить, что они никогда не падут и, следовательно, утверждены в добре. Возможно ли для них в самом деле падение нравственное теперь? Это неизвестно; может быть, и возможно, так как для твари ограниченной всегда есть область тьмы и греха, но Ангелы не приводят сей возможности в действительность, и потому некоторые из них не падали и не падают. Таким образом, хотя Священное Писание и не утверждает в Ангелах невозможности грешить, но из слов его можно видеть, что они никогда не потеряют своей чистоты, своего блаженного состояния.

Приписывая Ангелам мудрость и святость, Священное Писание приписывает им и силу (см.: 2 Фес. 1, 7). Эта сила выражается в их действиях. Примечательные действия Ангелов суть: отваление камня от гроба Спасителя, освобождение от оков апостола Петра, собрание избранных со всех концов земли пред Иисуса Христа во время Второго Его пришествия; в Ветхом Завете Ангел в одну ночь убивает сто восемьдесят тысяч неприятельского войска, делает пещь огненную для трех отроков безвредною, избивает всех первенцев египетских; особенно сила Ангелов видна в изображениях Откровения Иоанна Богослова, где они повелевают сила-

ми природы, стихиями.

Может ли простираться их могущество до того, чтобы они могли творить чудеса? Может, ибо они лучше знают природу и ее силы; следовательно, и могут производить такие дела, которые превышают наши понятия и наш обыкновенный образ действованиа. Впрочем, Священное Писание не говорит нам, как далеко простирается сие могущество. Притом там, где Ангелы совершают чудные дела, неизвестно, Ангелы ли совершают их, ибо посредством их часто действует Сам Бог.

Где пребывание Ангелов? Священное Писание говорит, что они пребывают на небе. Но это выражение как по отношению к Богу, так и по отношению к Ангелам неопределенно и есть метафизическое, означающее высшее и совершеннейшее состояние сих существ. Как Бог существует везде и с Ним небо, так и Ангелы могут быть везде. Не населяют ли они небесных миров, как Ангелы света, для которых свет есть стихия жизни? Не обитают ли они в солнцах, сих источниках света? Священное Писание об этом молчит, разум тоже не говорит ничего. Для него вероятнее, что они существуют везде.

Свт. Феофан Затворник.

Душа и Ангел – не тело, а дух

Будем обращать внимание на учение св. отцев о сем предмете не только тех, коих свидетельства буквально приво-

дятся в брошюре, но и всех тех, каких она каким-либо образом касалась, намекая, что она может иметь их на своей стороне. Прежде других подвергнем рассмотрению свидетельства прпп. Иоанна Дамаскина и Макария Египетского, так как они главные в этом деле; затем обратимся к учению вселенских великих учителей и святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого; а потом уже и ко всем прочим свв. отцам: Афанасию Великому, Кириллу Александрийскому, Мефодию, Кассиану, Августину Блаженному, Феодориту, Максиму Исповеднику и Григорию Нисскому. <...>

Начинаю с прп. Иоанна Дамаскина. Собственно, он один есть свидетель веский, намеренно рассуждающий о естестве Ангелов, тогда как прп. Макарий выражает свое мнение мимоходом. <...> Таким образом, в Кн. 2 о православной вере, в гл. 3 читаем: «Он (Бог) есть Ангелов творец и создатель, из несущего приведший их в бытие, по образу Своему сотворивший их – естество бестелесное, как бы дух некий и огонь невещественный, как говорит божественный Давид: *творяй Ангелы своя духи и слуги своя огонь палящ*». <...>

Как в Боге, когда именуется Он духом и огнем, не должно видеть что-либо вещественное, так ничего вещественного не должно видеть и в Ангелах, когда они так же именуются. Такова же мысль и прп. Иоанна Дамаскина: то есть, и он не видел в Ангелах ничего вещественного, так их называя.

Далее тут же читается: «Итак, Ангел есть естество мыс-

ленное, присно-движное, самовластное, бестелесное, Богу служащее, по благодати в природе своей бессмертие приявшее, какового естества вид и предел ведает один Творец. Бестелесным же и невещественным называется оно, поскольку поставляется в сравнение с нами: ибо все, будучи поставляемо в сравнение с Богом, единым несравненным, оказывается грубым и вещественным. Одно Божество есть собственно невещественно и бестелесно». Вот это и есть главное место, на котором думает опереться новое учение. Остановимся на нем всем вниманием, чтоб определить, есть ли тут решительное учение о телесности естества ангельского или нет. Я утверждаю, что такого учения здесь нет, и вывожу это утверждение, во-первых, из рассмотрения самого места, во-вторых, из сличения его с другими местами той же главы.

Самое место говорит ли решительно, что Ангел – тело, как хочет новое учение? Не говорит. Оно говорит только, что если поставить естество ангельское в сравнение с Богом, то оно окажется грубым и вещественным, пребывая невещественным само в себе (ибо таково главное положение учения этого отца об Ангелах). Говорит: будучи сличаемо, то есть, когда взглянешь на ангельское естество после созерцания ни с чем несравнимого Божеского естества, то оно оказывается грубым и вещественным: подобно тому, – прибавляю я, – как с ярко освещенного солнцем надворья вошедши в не так светло освещенную комнату, находят ее мрачною, или, как, разгоряченную в горячей воде рукою коснувшись теплой во-

ды, находят ее холодной. Но как тот, кто в указанных случаях считал комнату темною и воду холодной, позже признает комнату светлую, когда глаз освободится от впечатления яркого солнечного света, и воду теплою, когда прохладится разгоряченная рука, признает, то есть, что в комнате нет отсутствия света и в воде — тепла, как ему показалось; так и в отношении к Ангелам, когда смотрят на них прямо, не могут не признать, что они суть духи. Такова мысль прп. Иоанна Дамаскина. Он не отрицает духовности Ангелов и душ, а утверждает только, что их духовность такова, что если сравнить ее с Божескою, то она покажется грубою. В речи человеческой очень много таких оборотов. Вообще и св. Дамаскин и другие св. отцы, когда после созерцания Бога обращаются умом к тварям, не видят в последних ничего существенно твердого, хотя по дару Бога Творца они обладают многими совершенствами. Есть бессмертные твари, но в сравнении с Богом никто не бессмертен... есть простые, но в сравнении с Богом ничто не просто... есть благие, но в сравнении с Богом никто не благ; наконец, все творение имеет бытие, дарованное ему Богом, но в сравнении с Богом, Который един есть Сый, все есть как бы призрак и ничто. Но как в последних случаях не отрицается у тварей ни бытие, ни простота, ни бессмертие в свойственной им степени; так и в первом не отрицается невещественность Ангелов, хотя признаются они оказывающимися вещественными, если сравнить их с Божеским естеством. В тварях Божиих бытие, просто-

та, благость, бессмертие хотя суть не иначе, как по благодати Божией (разумеется, конечно, благодать творения), но все же суть в естестве их, как о бессмертии Ангелов утверждает св. Дамаскин: «по благодати в естестве бессмертие приявшие». Значит, все же он признает ангельское естество бессмертным. Так точно следует толковать и его понятие о невещественности Ангелов, то есть что она в них есть, хотя есть по благодати и в известной (совместной с тварностью) степени. Когда говорит он, например (в той же Кн., 12 гл. в учении о человеке), что бестелесно, невидимо и бесформно одно по естеству, как Бог, а иное – по благодати, каковы Ангелы, демоны, души, то как сомневаться, что он признавал этих последних в своем роде невещественными и бестелесными?

Итак, те, кои, желая выразить мысль прп. Иоанна Дамаскина о естестве Ангелов и душ, прямо говорят, что он признавал их невещественными только сравнительно с нами, – поступают весьма несправедливо. Прямая мысль прп. Иоанна Дамаскина та, что они суть существа мысленные, невещественные, бестелесные; та же мысль, что они таковы сравнительно с нами, ставится в оговорке, а это не одно и то же, что прямо говорить. В приведенном месте он положительно свидетельствует о невещественности естества ангельского, а потом делает оговорку об относительности этой невещественности.

Еще очевиднее выражает он главную мысль свою о естестве ангельском, когда в 12 гл. той же книги приступает к

учению о человеке. «Так, – говорит он, – Бог создал естество мысленное, то есть Ангелов и все Небесные чины», давая разуметь, что, по его учению, они суть природы мысленной, а не телесной. Вот его главное положение об Ангелах.

Прибавка же о сравнительной духовности предостерегает только, как бы кто не сравнивал естества Ангелов с естеством Божеским: ибо хотя Ангелы богоподобны, но не единосущны Богу. Значит, напрасно новое учение опирается на приведенное нами место св. Иоанна Дамаскина. Оно не имеет той мысли, какую это учение хочет оно в нем видеть. Делая же из него решительный вывод о вещественности естества Ангелов и душ, учение допускает фальшь в умозаключении.

<...>

«Ангелы, – говорит он, – суть светые мысленные, вторые от первого и безначального света, имеющие просвещение, не нуждающиеся в языке и слухе, но без произносимого языком (proforicon) слова передающие друг другу свои помышления и желания» (Кн. 2, гл. 3).

Какая тут вещественность? Если б прп. Иоанн Дамаскин признавал их вещественными, он сказал бы, что Ангелы имеют язык, очи и прочие члены, видят друг друга, беседуют друг с другом, друг друга посещают. Вот как новое учение признает Ангелов вещественными – то и утверждает, что у них есть и голова, и очи, и уста, и перси, и руки, и ноги, и волосы – словом все, что и у человека. Если св. Дамаскин ничего такого не допускает, а напротив, взаимное общение

Ангелов объясняет духовным, мысленным образом; то очевидно, что он не признает Ангелов вещественными. Послушайте еще, как понимает св. Дамаскин отношение Ангелов к месту. «Как умы, они в мысленных местах суть, не будучи описуемы подобно телам: ибо по естеству своему они не имеют вида или образа подобно телам, не имеют и трех измерений, но мысленно бывают присущи и действуют там, где им повелено, и не могут в одно и тоже время быть и действовать здесь и там» (там же).

Это совершенно освобождает естество Ангелов от тех грубых форм, в каких представляет их новое учение, основываясь на явлениях Ангелов и перенося образ явления на образ естества. А прп. Иоанн Дамаскин учит, что, хотя нет их на небе, когда они на землю посылаются, и хотя не могут они в одно и тоже время быть здесь и там; но когда бывают на каком месте, то бывают не так, чтобы очерчивались здесь какою-либо формою, протяженною в высоту, длину и ширину. Таких измерений они не имеют, не имеют и никакого вида, как свойственно иметь телам. Потому можно сказать только, что они здесь, а не там, что они здесь оказывают свое действие, а не там. <...> А вот еще слова его собственно о месте ангельском: «Ангел не содержится в месте подобно телам, так чтобы принимать образ какой или вид. Но говорится, что он бывает в известном месте ради того, что мысленно присущ в нем и действует по своему естеству и что в тоже время не бывает в другом месте, но там мысленно представляется,

где и действует. Ибо не может он в одно и тоже время действовать в разных местах» (там же).

Но если таким образом, по прп. Дамаскину, Ангелы не занимают места и не обнимаются им, если не имеют никакого протяжения и вида; то, очевидно, что, по его же учению, они не имеют и никакой вещественности, какою бы тонкою ее ни воображали; потому что ничто вещественное не может быть без этих принадлежностей; а что не имеет их, то уже и не вечно. Новое же учение, как только признало Ангелов вещественными, то и начало уже твердить, что они подчинены пространству, имеют форму, обрисовываются своими пределами и оконечностями, имеют свой вид (Слово о смерти), стало, то есть, твердить совершенно противное тому, что утверждает прп. Дамаскин. <...>

Перехожу к свидетельству, приводимому из прп. Макария Великого.

«Беспредельный, неприступный и несозданный Бог, – говорит прп. Макарий, – по беспредельной и немислимои благи Своей оплототворил Себя и, так сказать, как бы умалился в неприступной славе, чтобы можно было Ему войти в единение с невидимыми Своими тварями, разумею же души святых и Ангелов, и возмogli они быть причастными жизни Божества. А всякая тварь, и Ангел, и душа, и демон, по собственной природе своей, суть тело, потому что, хоть и утончены они, однако ж в существе своем, по отличительным чертам и по образу, соответственно утонченности сво-

его естества, суть тела тонкие, тогда как наше тело, в существе своем, дебело» (Беседа 4, гл. 9). <...>

Рассудите же в чем тут необыкновенность, тонкость и глубокомысленность. Что за тонкость и глубокость в словах: «И Ангел, и душа, и демон – тело?» Если буквально разуместь их, то они гораздо проще и понятнее, нежели как если бы сказано было, что Ангел, душа и демон суть чистые духи. И стоило ли бы в таком случае предупреждать: смотрите, я хочу сказать нечто особенное? Но потому-то самому, что слова просты, а между тем обещается передать чрез них нечто тонкое и глубокое, – потому и не должно понимать их в собственном смысле. И когда прп. Макарий говорит: «слушайте разумно», то этим, конечно, хочет внушить: смотрите, не обольститесь простотою речи и не поймите ее буквально. А это тоже значит, что: «смотрите, хоть и говорится: Ангел, душа и демон – тело, но разуместь это надо иначе».

Остановимся и на первой половине приведенного места. «Беспредельный, неприступный и несозданный Бог, по беспредельной и немислимои благоуи Своеи, оплототворил Себя и, так сказать, как бы умалился в неприступной славе, чтоб можно было Ему войти в единение с видимыми своими тварями, разумею же души святых и Ангелов, и возмoгли они быть причастными жизни Божества».

Буквальный смысл этой речи показывает, что здесь говорится о воплощении Сына Божия, ибо Он умалил Себя, зрак раба приим; но для чего воплотился Единородный Сын Бо-

жий? Конечно, ответ должен быть словами Символа веры: «нас ради человек и нашего ради спасения». Зачем же тут Ангелы? Отпали от Бога мы, а не они. Чтоб воссоединить нас с Собою, Он Сам снисходит к нам и воплощается; Ангелы же добрые не падали, но всегда пребывали в единении с Богом, а воссоединение злых считается делом невозможным.

Где же тут говорится, что Бог воплотился ради единения с Ангелами? Ангелы, значит, ставятся наряду с нами, и выходит, будто воплощение было столько же необходимо и для них, как и для нас. Кто так думал в Церкви Божией и даже вне Церкви? Таким образом открывается, что, говоря так, прп. Макарий, муж духоносный, не знал первых начатков христианского верования?.. Это вывод самый прямой и натуральный. Кто буквально понимает этот параграф, тот не убежит от этого вывода. Новое учение или пусть откажется от буквального смысла, чтоб охранить честь прп. Макария, или, строго держась буквального смысла, в угоду своему суемудрию, навлечет нареkanie на богоносного отца.

Нам нечего опасаться такой беды. Внимая предостережению св. Макария – слушать разумно, мы не понимаем буквально ни этого 9-го параграфа, ни следующих за ним. Во всех их идет иносказание глубокое, которое трудно изъяснить. Видна только общая мысль, что любообщительный Бог всячески готов умалиться, чтоб только войти в общение с разумными тварями. <...>

Еп. Александр (Милеант). Ангелы – благовестники воли Божией

Согласно Св. Писанию, Ангелы, как и люди и все сущее, сотворены Богом. В словах: *Вначале сотворил Бог небо и землю* (Быт. 1, 1) можно видеть первое указание на сотворение Богом ангельского мира, который здесь, в противоположность «земле», т. е. вещественному миру, называется «небом». Ангелы уже существовали при создании звездного неба, что видно из слова Господа Бога, Который говорит праведному Иову: *Когда были созданы звезды, воспели Меня громко все Ангелы Мои* (Иов. 38, 7).

О сотворении Ангелов свт. Григорий Богослов высказывает такие мысли: «Так как для благодати Божией не довольно было заниматься только созерцанием себя самой, а надлежало, чтобы благо разливалось все далее и далее, так, чтобы число благодетельствованных было как можно больше (потому что это свойственно высочайшей благодати), – то Бог измышляет прежде всего ангельские Небесные силы: и мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершено Духом... И так как первые твари были угодны Ему, то измышляет другой мир, вещественный и видимый».

Ангел значит «вестник». Этим словом определяется, главным образом, их отношение к людям. Они, как наши старшие братья, возвещают нам волю Божию и помогают нам

в деле спасения. Человечество со времени своего райского состояния знало о существовании Ангелов. Этот факт нашел свое отражение во многих древних религиях.

Людям трудно постичь жизнь Ангелов и мир, в котором они живут, потому, что он совершенно отличен от нашего. Известно, что Ангелы служат Богу, исполняют Его промыслительную волю и прославляют Его. Принадлежа к духовному миру, они обычно невидимы нам. «Когда Ангелы по воле Божией являются достойным людям, то являются не такими, каковы сами в себе, а в таком преображенном виде, в каком люди могут видеть их», – объясняет прп. Иоанн Дамаскин. В известной книге Товита Ангел, сопровождавший Товита и его сына, говорит о себе: *Все дни я был видим вами, но я не ел и не пил, а только взорам вашим представлялось это* (Тов. 12, 19). «Впрочем, – высказывает мысль прп. Иоанн Дамаскин, – Ангелы называются бестелесными и невещественными только по сравнению с нами. Ибо в сравнении с Богом все оказывается грубым и вещественным. Одно Божество всецело невещественно и бестелесно».

Ангелы превосходят человека духовными силами. Однако и они ограничены в своей силе и знании. Только Бог всемогущ и всеведущ. Будучи без плоти, Ангелы меньше, чем люди, зависимы от пространства и места и мгновенно появляются там, где им нужно действовать. Однако нельзя сказать, чтобы они существовали независимо от пространства и места. Св. Писание изображает Ангелов то сходящими с

неба на землю, то восходящими с земли на небо. Ангелы созданы бессмертными, как об этом свидетельствует Писание, они умереть не могут (ср.: Лк. 20, 36). Однако, их бессмертие не есть бессмертие самобытное и безусловное, а зависит оно, как и бессмертие человеческих душ, всецело от воли и милости Божией.

Ангелы, как духи без плоти, в высшей степени способны к внутреннему развитию, и их ум возвышеннее человеческого ума. Могуществом и силою, по изъяснению ап. Петра, они превосходят все земные начальства и власти (см.: 2 Пет. 2, 11). Однако и их высокие духовные качества имеют свои границы. Писание указывает, что они не знают глубины сущности Божия, ведомой одному Духу Божию (см.: 1 Кор. 2, 11); не знают будущего, ведомого тоже одному Богу (см.: Мк. 13, 32); а также не постигают вполне тайны искупления, в которую желают проникнуть (см.: 1 Пет. 1, 12); и даже не знают всех помышлений человеческих (см.: 3 Цар. 8, 39). Наконец, они не могут сами по себе, без воли Божией, творить чудеса.

Мир ангельский представляется в Священном Писании необычайно великим. Когда пророк Даниил видел Ветхого Днями (Бога Отца), его взору открылось, что *тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним* (Дан. 7, 10). «Множество воинов Небесных» восхвалили пришествие на землю Сына Божия (ср.: Лк. 2, 13).

«Представь, – говорит свт. Кирилл Иерусалимский, – как многочислен народ римский; представь, как многочисленны

другие народы грубые, ныне существующие, и сколько их умерло за сто лет; представь, сколько погребено за тысячу лет; представь людей, начиная от Адама до настоящего дня: велико множество их. Но оно еще мало в сравнении с Ангелами, которых более! Их — девяносто девять овец, а род человеческий есть одна только овца. По обширности места должно судить и о многочисленности обитателей. Населяемая нами земля есть как бы некоторая точка, находящаяся в средоточии неба, поэтому окружающее ее небо столь же большее имеет число обитателей, сколько больше пространство; небеса небес содержат их необъятное число. Если написано, что «тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним», то это только потому, что большего числа пророк выразить не мог». <...>

Каково же назначение существ духовного мира? Очевидно, они предназначены Богом к тому, чтобы быть совершенными отображениями Его величия и славы, с нераздельным участием в Его блаженстве. Если о видимых небесах сказано: «небеса поведают славу Божию», то тем более такова цель духовных небес. Пророк Исаия удостоился увидеть *Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали друг к другу и говорили: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!* (Ис. 6, 1–4; Иез. 10 гл.).

Митр. Антоний Сурожский. Об именах Ангелов

(Из книги «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...»)

Мы знаем из писаний святых отцов имена ряда Ангелов. Каждое из этих имен говорит о том, каким он знает Бога: Денница – это Ангел, который видел Бога как Свет совершенный. Михаил после разрыва с Богом целой группы Ангелов встал на защиту райских дверей, его имя значит «Никто как Бог». Имя Рафаил значит «Бог исцеляет». Каждый из них был пронизан Божественным присутствием, светом, благодатью, энергиями Божественными, и имя каждого говорит о том, чем он стал в своих глубинах. Это не значит, что ничего другого в нем не было: было познание Бога, познание человека, была его роль в истории человечества. Есть удивительное место о том, что не только словом, не только как бы действиями своими, исполняя Божии поручения на земле, среди людей или во Вселенной, познается и предается нечто о Божественной тайне. Прп. Исаак Сирийский (как неожиданно, что именно он!) говорит, что вечное занятие Ангелов на небе – это танец. И если задуматься над этим, то, может быть, можно понять, что он хотел сказать. Танец – это совершенное, полное, созерцательное молчание, и этот опыт общенности к Богу на глубинах молчания выражается в движении, в полной гармонии, в совершенной красоте. Я боль-

шего не умею сказать об этом, но изумительно, что такой пустынник, как Исаак Сирин, так воспринимал ангельское естество.

Творение Ангелов

В Символе веры читаем: «Верую во единого Бога... Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». Мир невидимый, ангельский, сотворен Богом, сотворен раньше в мире видимого. *При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости,* – сказал Господь Иову (Иов. 38, 7). Апостол Павел пишет: ... *ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: Престолы ли, Господства ли, Начальства ли, Власти ли* (Кол. 1, 16). Некоторые отцы Церкви в первых словах книги Бытия: *В начале сотворил Бог небо и землю*, – разумеют под небом не физическое небо, образованное впоследствии, а небо невидимое, или жилище горних сил. Многие учителя Церкви высказывают мысль, что Бог создал Ангелов далеко прежде видимого мира (Амвросий, Иероним, Григорий Великий, Анастасий Синаит) и что при создании последнего они уже предстояли пред ликом Творца и служили Ему. Св. Григорий Богослов размышляет об этом так: «Так как для благодати Божией не довольно было заниматься только созерцанием Себя Самой, а надлежало, чтобы благо разливалось все далее и далее, так чтобы число благодетельствованных было как мож-

но больше (потому что это свойственно высочайшей благодати), – то Бог измышляет прежде всего ангельские Небесные силы: и мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершенно Духом... Поелику же первые твари были Ему благоугодны, то измышляет другой мир, вещественный и видимый, или стройный состав неба и земли и того, что есть между ним. Мысли свт. Григория Богослова следует и прп. Иоанн Дамаскин (Точное изложение православной веры. Кн. 2, гл.3).

Митр. Макарий (Булгаков), Догматическое богословие

Происхождение Ангелов от Бога и время происхождения

Известно, что свящ. бытописатель, изображая творение мира, не сказал ясно о происхождении Ангелов. И это, как полагали св. отцы Церкви, по двум причинам: во первых, потому, что, вследствие неспособности тогдашних иудеев возвышаться к предметам сверхчувственным, Моисей имел в виду начертать перед своими соплеменниками историю только мира видимого, чтобы научить их, по крайней мере, через ряд доступных им предметов, познавать истинного Виночника всего существующего; а во вторых, потому, что не безопасно было говорить с ясностью о бытии высших, духовных существ таким людям, которые еще не довольно были утверждены в истине единства Божия и склонны были впа-

дать в многобожие и идолопоклонство. Несмотря, однако же, на умолчание Моисея о сотворении Богом Ангелов, истина эта несомненно проповедуется в Слове Божиим. Но не так ясно говорит Божественное откровение о том, когда именно Бог сотворил Ангелов. Из всех мнений касательно этого предмета, существовавших между христианами, только одно имеет основание в Слове Божиим – мнение, которого потому держалась наибольшая часть отцов и учителей Церкви и признает истинным сама православная Церковь. Оно состоит в следующем: «Ангелы сотворены Богом прежде всего и вообще мир духовный прежде мира вещественного». Основание для этого учения находится: а) С одной стороны, в первых словах свящ. бытописателя: *в начале сотворил Бог небо и землю* (Быт. 1, 1). Здесь под именем неба нельзя разуметь твердь или вообще то, что обыкновенно называется небом: ибо небо видимое со всеми своими пространствами и светилами сотворено после (ср.: Быт. 1, 6 и 8; 14–17). И как под землей надобно понимать не одну собственно землю, а и вообще вещество, из которого потом, в продолжение шести дней, Бог образовал мир вещественный: так и под небом, по противоположности, естественно разуметь собственно духов, которые обыкновенно представляются в Писании населяющими небо (см.: Кол. 1, 16). Догадка тем более вероятная, что небу Моисей вовсе не приписывает того нестроения, какое приписывает земле или первобытному веществу, и, таким образом, ясно различает и противопла-

гает их между собою. Если это справедливо: то, значит, Ангелы сотворены прежде всего, когда кроме Бога ничто еще не существовало, и послужили началом всего творения Божия. б) А с другой стороны – в словах самого Бога к Иову: *егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели мои* (Иов. 38, 7). Ангелами, или, как с подлинника, сынами Божиими, в настоящем месте несомненно названы Ангелы в собственном смысле, духи бесплотные; потому что этим именем они еще прежде двукратно названы в той же книге Иова (1, 6; 2, 1). Между тем они признаются здесь уже существующими и славословящими Бога в день четвертый, когда сотворены были звезды; значит, предполагаются сотворенными прежде.

Ложные мнения о происхождении Ангелов

Ангелы произошли вдруг по сотворении первобытного вещества еще до образования из него мира видимого.

Мнение, будто Ангелы произошли вдруг по сотворении первобытного вещества еще до образования из него мира видимого, состоит в следующем: «в начале сотворил Бог небо, землю и воду из ничего, и когда еще тьма покрывала воду, а вода землю, – сотворены Ангелы и все Небесные силы, чтобы благость Творца не оставалась праздною, а имела бы, на ком проявлять себя в продолжение многих времен (spatia): и за тем сотворен и украшен сей видимый мир из вещества, созданного Богом». Т. е. мнение это основывается: а) на мысли, будто между первоначальным сотворением неба и земли

и последовавшим шестидневным творением видимого мира протекло много времени, и б) на умствовании, что если бы в этот промежуток времени Бог не сотворил Ангелов, то благость Его оставалась бы праздною. Но чем подтвердить мысль первую? Откуда известно, долго ли или не долго находилось первозданное вещество в состоянии хаотическом? А если и долго: что значит это долгое время пред тою вечностью, которая предшествовала бытию мира и когда Бог существовал один? Ужели же должно сказать, что благость Его оставалась тогда праздною? Или для устранения этой мысли допустить, что мир создан Богом от вечности?

Ангелы получили бытие в первый день творения

Мнение, будто Ангелы получили бытие в день первый, основывается на том, что в первый день сотворил Бог свет, а Ангелы представляются с огненною или световидною природою. Но этот первозданный свет был чувственный: потому что тогда же произвел день; и представлять Ангелов с природою огненною или облеченными в какое-либо, даже тончайшее, тело, несправедливо.

Ангелы получили бытие уже по создании мира и человека

Наконец, мнение, будто Ангелы получили бытие уже по создании всего мира и человека, думают выводить из той постепенности, с какою, по описанию Моисея, восходил Бог при творении, от существ менее совершенных к более совершенным. Но кто дал нам право распространять этот закон постепенности от мира видимого и на мир духовный, когда,

напротив, свящ. бытописатель ясно говорит, что Бог, по создании человека – царя природы – почил от всех дел Своих (Быт. 2, 2) и след. не творил никого более?

Свт. Василий Великий

Служебные духи имеют бытие по воле Отца, приводятся в бытие действием Сына и поддерживаются в бытии присутствием Духа. Назначение же Ангелов – святость и пребывание в святости.

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин

Никто из верных не сомневается, что прежде сотворения видимого мира Бог сотворил духовные и Небесные силы, которые, зная, что они сотворены из небытия для великой славы блаженства, по благости Творца, воссылают Ему постоянное благодарение и непрестанно прославляют Его.

Свт. Иоанн Златоуст

Бог сотворил Ангелов и Архангелов сразу всех одновременно, а их так много, что они превосходят всякое число.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово об Ангелах

Время сотворения Ангелов не означено определительно в Священном Писании; но по учению, общепринятому Святою Церковью, сотворение Ангелов предшествовало сотворению вещественного мира и человека³. Ангелы сотворены из ничего. Внезапно увидев себя сотворенными в чудном изяществе и блаженстве; какую они ощутили благодарность, благоговение и любовь к Творцу, даровавшему им вместе бытие и духовное наслаждение! Их занятием непрерывным соделалось созерцание и славословие Создателя. Сам Господь сказал о них: *Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим еси Ангели Мои* (Иов. 38, 7). Этими словами Священного Писания яснейшим образом доказывается, что Ангелы сотворены прежде видимого нами мира и, присутствуя при его сотворении, прославляли премудрость и силу Создателя. Они созданы были, подобно видимому миру, Словом Божиим: *Тем*, – говорит святой апостол Павел, – *создана быша всяческая, яже на небеса и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая Тем и о Нем создашася* (Кол. 1, 16).

³ Богословие св. Иоанна Дамаскина и преп. Кассиана. Collatio VIII, с. 7, также святые Василий Великий, Григорий Богослов, Амвросий Медиоланский, Димитрий Ростовский. См. Летопись и Четьи Минеи 8 ноября.

Здесь Апостол под именем Престолов, Господствий, Начал и Властей понимает различные чиноначалия Ангелов. Таких чиноначалий Святая Церковь признает три; каждое чиноначалие, или иерархия, состоит из трех чинов. Первую иерархию составляют Серафимы, Херувимы и Престолы, вторую – Господствия, Силы и Власти; третью – Начала, Архангелы и Ангелы. Учение о этом разделении Ангелов изложено святым Дионисием Ареопагитом, учеником святого апостола Павла, который и в своих писаниях, как мы видели, называет некоторые чины. Ближайшие к престолу Божию суть шестокрылатые Серафимы, как видел в видении своем святой Исая пророк. *Видех, – говорит он, – Господа сидяща на престоле высоте и превознесение, и исполнь дом славы Его. И Серафими стояху окрест Его, шесть крил единому, и шесть крил другому: и двама убо покрываху лица своя, двама же покрываху ноги своя, и двама летаху. И взываху друг ко другу и глаголаху: свят, свят, свят Господь Саваоф: исполнь вся земля славы Его* (Ис. 6, 1–3). По Серафимах предстоят престолу Божию Богомудрые, многоочитые Херувимы, потом Престолы и по порядку прочие ангельские чины. Предстоят Ангелы престолу Божию с великим благоговейным страхом, который изливается в них непостижимым величием Божества, не с тем страхом, который ощущают кающиеся грешники и который отъемлется любовью, но со страхом, пребывающим в века и составляющим один из даров Духа Святого, – страхом, которым страшен Бог для

всех окрестных Его. От непрестанного созерцания безмерного величия Божия они находятся в непрестанном блаженном исступлении и упоении и выражают его непрестанным славословием. Они пламенеют любовью к Богу и в самозабвении, при котором они существуют в Боге, а уже не в себе, находят неисчерпаемое и бесконечное наслаждение. Собразно чинам своим они наделены дарованиями Святого Духа – Духом мудрости и разума. Духом совета и крепости. Духом Страха Божия. Это разнообразие духовных дарований и разные степени совершенства отнюдь не производят в святых Ангелах соревнования или зависти: нет! У них одна воля, как сказал святой Арсений Великий, и все они преисполнены в Боге благодатного утешения и не чувствуют никакого недостатка. По этому благодатному единству воли святые Ангелы низших чинов с любовью и ревностью оказывают повиновение Ангелам высших чинов, зная, что это повиновение – повиновение воле Божией. «Ясно видим, – говорит свт. Димитрий Ростовский, – в книге пророка Захарии, что в то время, как Ангел беседовал с пророком, другой Ангел вышел навстречу этому Ангелу, повелевая ему идти к пророку и возвестить долженствующее совершиться с Иерусалимом. Также и в Данииловом пророчестве читаем, что Ангел повелевает Ангелу истолковать видение пророку»⁴. «Что было причиною нашего падения и умерщвления, – говорят свв. Каллист и Игнатий, – между тем как сначала мы не были

⁴ Четьи Миней 8 ноября.

сотворены таковыми? И что, напротив того, соделалось причиною нашего обновления и бессмертия? – Находим причиною первого, т. е. тления, своеверие, своечине и непокорность первого Адама, от которых последовало отвержение и преступление Божественной заповеди; причиною же второго, т. е. нетления – единокотение и повиновение Богу-Отцу Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, второго Адама, от коих соблюдение заповеди Отца. Аз, – говорит Спаситель, – *от Себе не глаголах: но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю. И вен, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю* (Ин. 12, 49–50). Как в праотце и последовавших ему корень и мать всему печальному было возношение: так в Новом Адаме, Богочеловеке Иисусе Христе, и в желающих жителствовать по Нему начало, источник и основание всех благих есть смирение. Видим, что таково стояние и чин соблюдает и превысшее нас священное чиноначалие всех боговидных Ангелов»⁵. Вообще все Ангелы называются иногда Небесными силами и Небесным Воинством. Вождь Небесного Воинства есть Архистратиг Михаил, принадлежащий к семи духам, предстоящим Богу. Эти семь Ангелов суть: Михаил, Гавриил, Рафаил, Салафиил, Уриил, Иегудиил и Варахиил: Эти семь духов называются иногда Ангелами, иногда Архангелами; святой Димитрий Ростовский при-

⁵ Добротолюбие, 2-я часть, прпп. Каллиста и Игнатия, гл. 15.

числяет их к чину Серафимов⁶.

Ангелы сотворены по образу и подобию Божию, как впоследствии сотворен человек⁷. Образ Божий, как и в человеке, заключается в уме, от которого рождается и в котором содержится мысль и от которого исходит дух, содействующий мысли и оживляющий ее. Этот образ, подобно Первообразу, невидим, как он невидим и в человеках. Он управляет всем существом в Ангеле так, как и в человеке. Ангелы суть существа, ограниченные временем и пространством, следовательно, имеющие свой наружный вид. Безвидным может быть только ничто и бесконечное существо: бесконечное существо потому безвидно, что, ни в каком направлении не имея предела, не может иметь никакого очертания; а ничто безвидно, как не имеющее никакого бытия и никаких свойств. Напротив того, все существа ограниченные, самые великие и самые малые, как бы ни были тонки, имеют свои пределы. Эти-то пределы, или концы существа, составляют его очертание, а где очертание – там непременно вид, хотя бы мы нашими грубыми очами и не видели его. Мы не видим предела газов и большей части испарений, но эти пределы непременно существуют, потому что газы и пары не могут занимать беспредельного пространства, занимают пространство определенное, соответственное своей упругости, т. е. способности расширения и сжимания. Безвиден един Бог, как суще-

⁶ Четьи Минеи 26 марта.

⁷ Иоанна Дамаскина. Богословие. Свт. Димитрий в Летописце.

ство бесконечное. По отношению к нам Ангелы называются бесплотными и духами. Но мы, человеки, в нашем состоянии падения никак не можем быть приняты за основание для составления правильных понятий о видимом и невидимом мире. Мы не то, чем были сотворены; и опять обновляемые покаянием, мы делаемся не теми, какими бываем в обыкновенном положении страстном. Мерило мы непостоянное и неправильное. Но именно по этому-то мерилу Ангелы называются бестелесными, невещественными, духами. «Бестелесным и невещественным называется Ангел, – говорит прп. Иоанн Дамаскин, – по сравнению с нами. Ибо все в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество, в точном смысле, невещественно и бестелесно»⁸. Ангелы, как научает преподобный Макарий Египетский Великий, суть тонкие тела и имеют вид наружного человека⁹, т. е. все его члены. Такими описывают их и все святые, сподобившиеся видеть Ангелов и беседовать с ними. Святому Андрею, Христа ради юродивому, при восхождении его на небо Ангел, руководивший его, два раза подал руку¹⁰. Прп. Феодора видела пришедших к ней в час кончины двух Ангелов в образе двух прекрасных юношей, видела их с златовидными власами¹¹. Священ-

⁸ Богословие прп. Иоанна Дамаскина.

⁹ Беседы прп. Макария Великого 4-я и 7-я.

¹⁰ Четьи Миней 2 октября.

¹¹ Четьи Миней. Март.

ное Писание повсюду являвшихся Ангелов изображает в виде человеческого. В виде мужей они явились Аврааму у дуба Мамврийского (Быт. 1, 18 гл.); точно так же явились Лоту в Содоме (Быт. 19, 1, 10–17). Когда содомляне окружили дом Лота и хотели выбить двери, то *простерше мужие руки*, – говорит Писание, – *вовлекоша Лота к себе в хранину и двери хранины заключиша*. Потом, когда Лот и семейство его замедляли выходом из Содома, *взяша Ангели за руку его, и за руку жену его, и за руки двух дочерей его... изведоша я вон*. Когда Моисей возвращался из земли Мадямской в Египет для освобождения израильтян из работы Фараону, встретил его на пути на стану. Ангел Господень и хотел убить его. Сепфора, жена Моисеева, поняв, что причиною этого было необрезание сына ее, немедленно совершила обряд и, припав к ногам Ангела, сказала: *Ста кровь обрезания сына моего. И отъиде от него Ангел* (Исх. 4, 24–26). С мечом в руке явился Ангел, чтоб воспрепятствовать лжепророку Валааму идти на совещание к Валаку, врагу израильтян. Валаам ехал на осле; сопровождали его два раба. Осел увидел Ангела, стоящего на пути, и обнаженный меч в руке его – и совратился осел с дороги в поле. Валаам начал бить осла жезлом своим и направлять на дорогу. Ангел переменял место и стал между двумя виноградниками, ограды которых сходились очень близко. Увидев Ангела Божия, осел прижался к ограде, притиснул к ней ногу Валаама, а сей опять начал бить его. Ангел снова переменял место и стал в такой узине, с которой

невозможно было своротить ни направо, ни налево. Осел, увидев Ангела пред собою, пал под Валаамом. Разгневанный лжепророк жестоко бил осла и по мановению Божию уличен был ослом в жестокости своей. Отверз Бог очи Валааму, и он увидел Ангела с обнаженным мечом в руке и пал пред ним на лице свое (Числ. 22, 22–35). Иисус Навин, вождь народа израильского, введший его в землю обетованную, находясь близ Иерихона, внезапно увидел пред собою стоящего человека, и обнаженный меч его был в руке его. Иисус приступил к нему и спросил: *Наши ли еси или от сопостат наших? Он же рече ему: Аз Архистратиг силы Господни, ныне приидох семо* (И. Нав. 5, 13–14). Явившийся Гедеону Ангел был в образе человека с жезлом в руке, и только по совершении Ангелом чуда, после которого Ангел сделался невидим, Гедеон познал, что явившийся ему был Ангел (Суд. 6 гл.). В человеческом образе явился Ангел жене Маноя, матери сильного Сампсона. Так поведала она мужу своему о бывшем ей явлении: *Человек Божий прииде ко мне, и образ его яко образ Ангела Божия, страшен зело. И вопрошах его, откуда еси? И имене своего не повода ми.* Ангел явился во второй раз жене; она пригласила мужа своего. Пришел муж и спросил Ангела: *Ты ли еси муж, глаголавый к жене моей?* Маной хотел предложить ему трапезу, потому что не знал, – говорит Писание, – *яко Ангел Господень той.* Супруги познали его при принесении жертвы, когда пламень жертвы восшел от алтаря даже до неба и Ангел вознесся от них в этом пла-

мени (Суд. 13 гл.). Св. пророк Даниил называет явившегося ему Ангела Гавриила мужем (Дан. 9, 21). При другом видении говорит пророк: *И воздвигох очи мои и видех, и се муж един облечен в ризу льняну, и чресла его препоясана златом светлым. Тело его яко Фарсис, лице же его яко зрение молнии, очи же его яко свечи огненны, и мышцы его и голени яко зрак меди блестящийся, глас же словес его аки глас народа* (Дан. 10, 5–6). По объяснению святых отцов этот муж был тот же Ангел Гавриил¹². В день Воскресения Христова рано утром пришли жены-мироносицы ко гробу и вошли в гроб, который состоял из пещеры, высеченной в каменной горе, увидели там двух мужей в ризах блистающих, по повествованию святого евангелиста Луки (Лк. 24, 4); святой же евангелист Иоанн называет этих мужей Ангелами (Ин. 20, 12). Во время Вознесения Христова представшие апостолам два мужа в белых одеждах были, по мнению святого Иоанна Златоустого и всей Церкви, святые Ангелы (Деян. 1, 10). Угодникам Божиим Нового Завета Ангелы являлись всегда в виде человеческого. И отчего святым Небесным силам не иметь наружного образа человеческого, когда Сам Бог Слово благоволил, вочеловечившись, принять этот образ и, вознеся его на небо, посадил на превыспреннем престоле Божества одесную Отца на поклонение всем святым Ангелам?

¹² Преп. Кассиана Collatio VIII, caput XIII.

Свт. Феофан Затворник.

Душа и Ангел – не тело, а дух

Но есть и еще одно место у прп. Иоанна Дамаскина не в угоду новому учению, именно – о времени сотворения Ангелов.

«Некоторые утверждают, – говорит он, – что Ангелы сотворены прежде всякого творения, как говорит и свт. Григорий Богослов: «во первых измышляет (Бог) ангельские, Небесные силы, и мысль стала делом»... Совершенно соглашусь с богословом и я. Ибо надлежало прежде быть создану мысленному естеству, потом чувственному и, наконец, – человеку, единому из обоих» (Кн. 1, гл. 13).

Того же точно мнения и свт. Василий Великий. Вот три свидетеля! При троих же свидетелях станет всяк глагол. Но какой? Конечно, не глагол нового учения, а наш. Ибо если Ангелы сотворены прежде всего телесного и вещественного без ограничения, то как можно думать, чтоб они были тело, хотя бы тонкое? Не говорят св. отцы, что прежде сотворены тонкие тела – Ангелы, а потом другие тела грубые; а вообще утверждают, что Ангелы сотворены прежде всякой вещественной твари. Следовательно, по их учению, в Ангелах не должно видеть решительно ничего вещественного.

Свт. Иннокентий Херсонский. О существах высших человека, или о духах

Когда произошли Ангелы и как? (Что Ангелы не суть существа несотворенные, не суть истечения, Эоны, как некоторые думали, об этом ясно учит Священное Писание: Кол. 1; 16). Когда они произошли, – об этом ясных мест нет. Одни из отцов Церкви думают, что они сотворены прежде мира физического и что сей мир сотворен вследствие переворота, происшедшего в мире духовном; иные утверждают, что они произошли в первый день, когда говорится о небе, потому что небу не приписывается того нестроения, какое приписывается земле; другие – во второй день, когда произошел свет, стихия Ангелов; иные – в четвертый день, когда сотворены светила; а некоторые думают, что они сотворены после человека, на том основании, что Бог в творении восходил от менее совершенного к совершеннейшему. Но с большей вероятностью можно положить, что Ангелы произошли прежде человека и едва ли не задолго до его сотворения, ибо человек скоро находит себе искуителя. Этот дух, или это целое царство духов, не могло пасть так скоро и таким ужасным образом. Человек, как младенец, легко и скоро мог пасть; но чтобы так же скоро мог пасть и пал целый сонм духов совершенных – это кажется невероятным.

Прот. Серафим Слободской. Сотворение неба – невидимого мира (Из «Закона Божия»)¹³

В начале, прежде всего видимого мира и человека, Бог из ничего сотворил небо, то есть духовный, невидимый мир, или Ангелов.

Ангелы – это бестелесные и бессмертные духи, одаренные умом, волею и могуществом. Бог сотворил их бесчисленное множество. Они различаются между собою по степени совершенства и по роду своего служения и разделяются на несколько чинов. Высшие из них называются Серафимами, Херувимами и Архангелами.

Все Ангелы были сотворены добрыми, чтобы они любили Бога и друг друга и от этой жизни в любви имели постоянную великую радость. Но Бог не желал насильно заставить любить, поэтому Он предоставил Ангелам свободно выбирать, желают ли они сами любить Его – жить в Боге – или нет.

Один, самый высший и могущественный Ангел по имени Денница, возгордился своим могуществом и силою, не захотел любить Бога и исполнять волю Божию, а захотел сам стать, как Бог. Он начал клеветать на Бога, всему противиться и все отрицать и стал темным, злым духом – дьяволом,

¹³ Это краткое описание творения неба – ангельского мира – изложено на основании Священного Писания и учения святых отцов и учителей святой Православной Церкви.

сатаную. Слово «диавол» значит «клеветник», а слово «сатана» значит «противник» Бога и всего доброго. Этот злой дух соблазнил и увлек за собою много и других ангелов, которые также стали злыми духами и называются бесами.

Тогда выступил против сатаны один из высших Ангелов Божиих, Архангел Михаил, и сказал: «Кто равен Богу? Никто, как Бог!» И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против сатаны, а сатана и бесы его воевали против них.

Но не могла злая сила устоять против Ангелов Божиих, и упал сатана вместе с бесами, как молния, вниз – в преисподнюю, в ад. «Ад», или «преисподняя», называется место вдали от Бога, где и пребывают теперь злые духи. Там они мучаются в своей злобе, видя свое бессилие перед Богом. Все они, по своей нераскаянности, так утвердились в зле, что уже не могут быть добрыми. Они стараются коварством и хитростью соблазнить каждого человека, внушая ему ложные мысли и злые желания, чтобы погубить.

Так возникло зло в Божием творении. Злом называется все, что делается против Бога, все, что нарушает волю Божию.

А все оставшиеся верными Богу Ангелы с тех пор в непрестанной любви и радости живут с Богом, исполняя всегда волю Божию. И теперь так утвердились в добре и любви Божией, что уже никогда не могут творить зла – не могут грешить, потому и называются святыми Ангелами. Слово «Ан-

гел» означает по-русски «вестник». Бог посылает их возвещать людям Свою волю, для этого Ангелы принимают на себя видимый, человеческий образ.

Каждому христианину Бог дает при крещении Ангела Хранителя, который невидимо охраняет человека во всю его земную жизнь, не оставляет его душу и по смерти.

Нравственное состояние Ангелов и степень их совершенства

Ангелы – духи совершеннейшие, они превосходят человека духовными силами; однако и они, как существа тварные, носят в себе печать ограниченности. Будучи бесплотными, они меньше, чем люди, зависимы от пространства и места, т. к. с быстролетностью проходят необъятные пространства, появляются там, где им нужно действовать. Однако нельзя сказать, чтобы они существовали совершенно независимо от пространства и места или были бы вездесущи. Священное Писание изображает Ангелов то сходящими с неба на землю, то восходящими с земли на небо, причем необходимо предполагается, что в одно и то же время не могут быть и на земле, и на небе.

Ангелам принадлежит бессмертие, как об этом свидетельствует ясно и Писание, уча, что они умереть не могут (см.: Лк. 20, 36). Однако их бессмертие не есть бессмертие Божественное, т. е. самобытное и безусловное, а зависит оно, как

и бессмертие человеческих душ, всецело от воли и милости Божьей.

Ангелы, как духи бесплотные, в высшей степени способны к внутреннему саморазвитию, их ум возвышеннее сравнительно с умом человеческим; могуществом и силою, по изъяснению ап. Петра, они превосходят все земные начальства и власти (см.: 2 Петр. 2, 11). Природа Ангела выше природы человека, как это выражает псалмопевец, когда с целью возвеличить человека замечает, что он *не много умалил его* по сравнению с Ангелами (Пс. 8, 6).

Однако их высокие качества имеют свои границы. Писание указывает, что они не знают глубины существа Божьего, ведомого одному Духу Божию (*Божьего никто не знает, кроме Духа Божия*, – 1 Кор. 2, 11), не знают будущего, ведомого тоже одному Богу (*О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец*, – Мк. 13, 32), а также не постигают вполне тайны искупления, в которую желают проникнуть (*во что желают проникнуть Ангелы*, – 1 Петр. 1, 12), и даже не знают всех помышлений человеческих (см.: 3 Цар. 8, 39); наконец, они не могут сами по себе, без воли Божией, творить чудеса (*Благословен Господь Бог... един творящий чудеса*, – Пс. 71, 18).

Свт. Василий Великий

Небесные силы не по природе святы, иначе они не отли-

чались бы от Святого Духа. Напротив, они – по мере превосходства одной природы над другой – имеют от Духа известную меру святости. В понятие сгорания входит понятие огня, однако иное есть сжигаемое вещество и иное огонь; так и в Небесных Силах. Сущность их составляет дух или невещественный огонь, как написано: «Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь» (Евр. 1, 7). Поэтому они ограничены местом и бывают видимы, являясь святым людям в образе своих собственных тел. Но Святыня, будучи вне их сущности, дает им совершенство через общение Духа. Сохраняют же свое достоинство пребыванием в добре, как имеющие свободу в избрании и никогда не теряющие непрестанного стремления к истинному благу. Поэтому, если отнимем мысленно Духа, расстроятся ангельские лики, истребятся архангельские начальства, все придет в смешение.

* * *

У Ангелов нет ни ссор, ни споров, ни недоразумений. Каждый имеет все, что остальные, и все вмещают в себя полноту совершенства, потому что ангельское богатство не какое-нибудь ограниченное вещество, которое нужно разделять для многих, но невещественное стяжание и богатство разума. И потому совершенства их, во всяком из них пребывая всецелыми, всех делают равно богатыми.

Свт. Григорий Богослов

Они (Ангелы) так выразили и запечатлели в себе благо, что сделались вторичными светами и, посредством излиятий и передачи первого Света, могут просвещать других. Служители Божией воли, они сильны как по своей естественной, так и по приобретенной крепости, все обходят, всем и везде с готовностью предстают по усердию к служению и по легкости естества.

Свт. Иоанн Златоуст

Как в ясный полдень небо бывает чистым, не затеняясь никаким облаком, так и природа Ангелов пребывает светлой и блистательной, не омрачаясь никакой похотью.

Свт. Димитрий Ростовский

Есть ли на Небесах у избранных и у Ангелов вера и надежда? У Ангелов нет ни веры, ни надежды, потому что с того времени, как они утвердились в благодати, они увидели Того, в Кого надо верить и на Кого надо надеяться. Они всегда видят лице Отца Небесного, и в них уже нет места ни для веры, ни для надежды, ибо вера и надежда имеют сво-

им предметом невидимое. У избранных Божиих на Небесах также нет веры и надежды, потому что они видят Того, в Кого веровали, и имеют Того, на Кого надеялись. И у Ангелов, и у избранных есть одна лишь бессмертная любовь.

Ангелы в Священном Писании

А. П. Лопухин. Толковая Библия: Толкование на 6-ю главу пророка Исаии

В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм.

1—4. К своему высокому служению Исаия, подобно Моисею, Иеремии и Иезекиилю, был призван особо торжественным Богоявлением. Он видел Бога как Царя Вселенной, торжественно восседающим в Своем храме-дворце. Его окружали высшие духи ангельские – Серафимы, громко исповедующие святость Всевышнего и Его великую славу, пред которой даже они закрывали себя крыльями.

В год смерти царя Озии, т. е. 740 г., по преданию, сообщаемому прп. Ефремом Сириным, Исаию чрезвычайно опечалила дерзость царя Озии по отношению к храму, куда царь осмелился войти для каждения фимиамом. Пророк облекся во вретисще – знак печали – и носил его до самой смерти ца-

ря Озии; в год смерти этого царя Исаия и был призван на служение торжественным видением (Твор. святых отцов в р. пер. т. 20, с. 237–238).

Евсевий Кесарийский еще прямее говорит, что только со смертью Озии, прогневавшего Бога, пророк мог получить откровение от Бога, Который дотоле за грех царя отвращал Свое лицо от народа иудейского. Блж. Феодорит со своей стороны добавляет, что Господь, в частности, прогневался и на самого Исаию, который молчал в то время, когда Озия позволил себе такую дерзость по отношению к храму. Новейшие толкователи... объясняют дело более простым образом, говоря, что Исаия был нужен именно в то время.

Почему пророк о своем призвании говорит после пророчеств, помещенных в 1–5 главах? Очень вероятно, что Исаия хотел в первых пяти главах начертать картину жизни современного ему иудейского народа для того, чтобы его послание вышло вполне ясно мотивированным.

Видел Бога Исаия, конечно, не телесными очами, а очами духа, находясь в состоянии пророческого восхищения (экстаза). «Слышит Исаия глас Господень, – говорит свт. Василий Великий, слова которого имеют отношение и к видению Исаии, – хотя ничто не ударяло в телесный слух».

Пророк в 5 ст. говорит, что очи его увидали Господа Саваофа (с евр. Владыку воинств, т. е. Бога Отца).

Храм, в котором Исаия видел Господа, мог быть как храмом земным, Иерусалимским так и храмом на небе (ср.

3 Цар. 22:19). Так как пророк не объясняет, какой храм он понимает, естественнее всего видеть в его словах указание на известный всем Иерусалимский храм, тем более, что здесь упоминается о некоторых принадлежностях Иерусалимского храма (алтарь кадильный и щипцы – ст. 6). Но так как пророк находился в экстазе, то Иерусалимский храм представлялся ему имеющим более широкую вместимость. <...>

2. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

Серафимы. Слово «серафим» встречается единственный раз в Библии только здесь и поэтому истолковать его значение довольно затруднительно. Некоторые признают это название тождественным с названием змей, упоминаемых в Числ. 21, 6 и говорят, что внешним видом своим они напоминали змей или летающих драконов, которые, по верованию древних, стояли на страже Божественных сокровищ. Но невероятно, чтоб служители Божии – Ангелы – явились пророку в виде змей, которых истинные почитатели Господа считали совершенно неподходящим предметом для поклонения, как это видно из того, что царь Езекия уничтожил изображение медного змея (см: 4 Цар. 18, 4). <...> Другие толкователи производят это слово от глагола «жечь» или «гореть» и видят в нем указание на огненную природу Серафимов, в силу чего они «опаляют», «сожигают» то, с чем приходят в соприкосновение. Наконец, иные, с большей вероят-

ностью, утверждают, что Серафимы – носители Божественного огня любви, пополяющего всякую нечистоту и очищающего людей.

Иные еще производят это название от арабского слова *scharufa* – быть начальником и видят здесь указание на особенно высокое положение Серафимов в среде Ангелов. Некоторые видят в этом названии воспроизведение имени бога огня Нергяла – *Sararu* (сжигатель) или египетского *seref* – название дракона, сторожившего гробницы. Таким образом, филология не дает достаточно указаний для определения существа Серафимов.

Самый текст книги Исаии поэтому является более надежным источником. Из этого источника мы узнаем, что Серафимы говорят, поют хвалебную песнь Богу по очереди, исполняют повеления Божии – следовательно, это разумные, духовные существа, Ангелы. Они имеют крылья, которые указывают в них существа Небесного мира или высоту, силу, могущество Божественное, как это видно из того, что древние народы – вавилоняне и персы – приделывали к изображениям своих царей по несколько пар крыльев, для того чтобы указать, что цари эти равны богам... Впрочем, крылья служили Серафимам и для закрытия их тела пред величием Божиим. Так как они стоят перед Господом и вокруг Него, то издревле они признавались самым высшим в Небесном воинстве чином (Херувимы только носят престол Божий). Назначение Серафимов, по тексту книги Исаии, состоит в слу-

жении Богу, которое они совершают с пламенной ревностью. Отличие их от прочих Ангелов состоит в том, что они не посылаются на землю, подобно прочим Ангелам, а являются принадлежащими исключительно непосредственной сфере Божественной.

3. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его.

И взывали... По-видимому, Серафимы разделены были на два лика и хора, которые поочередно возглашали хвалу Богу.

Свят, т. е. отдален от всего греховного, от всякого несовершенства. Это определение, для высшего усиления, повторяется трижды, подобно тому как у Иезекииля, напр., трижды повторяется слово: низложу (см.: Иез. 21, 27; ср.: Иер. 7, 4). Но, кроме этого толкования троекратного повторения слова «свят», имеет свои основания и другое объяснение, очень древнее, по которому Серафимы здесь изобразили тайну Святой Троицы (прп. Ефрем Сирий, блж. Иероним).

Именно у пророка Исаии есть место, доказывающее веру современной ему ветхозаветной Церкви в Троичность лиц Божества. Это место – 63 гл. ст. 9 и сл., где упоминается особо о Боге, особо об Ангеле лица Его или о Сыне Божиим, и особо о Духе Святом. Отсюда следует, что и в троекратном повторении слова «свят Исаия» мог указать на эту великую тайну. (В Славянском переводе с 70-и текст Ис. 63, 9 изложен так: *Не ходатай, ниже аггел, но Сам Господь спасе их, зане*

любит их и щадит их: Сам избави их и восприят их и вознесе их во вся дни века. ... Исключение из Синодального перевода слов о Высшем Совете, посланником которого является Мессия, которые есть в греческом переводе 70-и и славянском изводе, приземление Его (Мессии) сущности (плод земли, вместо – семя небесное), привело к забвению многих очевидных указаний на Троическую сущность Всевышнего.)

4. И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями.

И поколебались верхи врат. – По смыслу евр. текста здесь указывается на потрясение тех углублений в стене, в которые вложены обе половины храмовых дверей. Condamin переводит: «задрожали двери на своих крюках». Потрясение это произошло от громких криков Серафимов. Дым, по всей вероятности, пророк видел поднимающимся с жертвенника курений. По связи речи, этот дым мог означать молитвы Серафимов к Господу: такое же значение имел дым, поднимавшийся к небу с земного алтаря при возложении священниками фимиама. Ефрем Сирин считает этот дым признаком присутствия в храме славы Господней, так как в Ветхом Завете Господь являлся во мраке и мгле, чтобы немощные люди не могли быть ослеплены сиянием Его славы (ср.: 3 Цар. 8, 10–12).

5. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.

5–7. Пророк, слыша серафимское пение, видя дрожащие двери и обоняя курение дыма, впадает в смертный страх: он видел то, что око смертного недостойно видеть, вида чего грешный человек вынести не в состоянии. Исаия чувствует с особенною горечью нечистоту своих уст, которые не могли принять участие в славословии Серафимов. Поэтому-то его уста прежде всего и очищаются священным огнем с алтаря. Но, кроме того, очищаются именно уста ввиду того, что ими собственно будет служить Богу Исаия.

<...>

6. *Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника,*

По толкованию наших церковных песнопений, огненный уголь был прообразом Господа Иисуса Христа, а клещи – рук Пресвятой Богородицы. «Огонь несешь Ты, Чистая; страшуся принять в объятия Младенца Бога». Так во 2-м тропаре 5-й песни канона на Сретение говорит Симеон Богоприимец. Дальше, в 3-м тропаре, тот же старец говорит Пресвятой Деве: «Ты просвещаешь меня, подавая руками, как бы клещами, Несомаго Тобою».

7. *И коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.*

Очистительное действие должен был оказать горящий уголь как уголь, взятый с алтаря Божия. Здесь в переносном

смысле указывалось на очистительную силу благодати Божией; которая пополяет, как огонь, все нечистое в человеке.

Беззаконие и грех — твои грехи.

8. *И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня.*

8—13. Почувствовав себя чистым, Исаия охотно вызывается на служение делу проповеди, когда слышат вопрос Всевышнего о том, кто желает пойти к народу еврейскому. Бог снисходит к его желанию и посылает его проповедником к народу, но при этом предрекает ему неудачу его пророческой деятельности. Его слово не обратит народ на истинный путь, а еще более ожесточит во грехе. На вопрос пророка, доколе народ пребудет в таком состоянии, Бог отвечает, что спасение дано будет народу не прежде, чем он испытает все ужасы вражеского нашествия и даже пленение, отведение в чужую землю. Последняя десятина народа будет уничтожена, доколе гордый дуб, т. е. народ израильский, не пропадет вовсе. Вопросом Своим Господь вызывает и ободряет Исаию к заявлению своей готовности послужить Господу.

Для Нас, т. е. «для Меня и для окружающих Меня» <...> Некоторые древние церковные писатели видели в этом выражении намек на Троичность Лиц в Божестве (блж. Иероним), но в их толковании является непонятным то обстоятельство, что Бог сначала говорит в единственном числе (кого пошлю?), а потом во множественном (для Нас). (Толко-

вание Иеронима вполне разъясняемо в силу православного Символа веры: «верую во единого Бога Отца... И в Духа Святаго, Иже от Отца исходящаго, со Отцем и Сыном спокланяема...» Опять-таки это вполне понятно при упоминании о Мессии – посланнике Высшего Совета.) Между тем при первом толковании действительно посылающим является один Бог, как Владыка, а действовать пророк будет пред лицом всех, явившихся ему, интересы коих тождественны с целями, какие имеет Бог.

И сказал Он: пойдѣ и скажи этому народу, слухом услышите – и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете – и не увидите. Ибо огрубѣло сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумѣют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцѣлил их.

Миссия пророка Исаии представляется очень тяжелой и безнадежной <...> Проповѣдь Исаии, ввиду дурной настроенности его слушателей, подаст им повод к ожесточению, к противленію волѣ Божіей, которое народ обнаруживал отчасти и прежде. Наш русский Синодальный перевод, согласно с греческим и славянским, неправильно понимает это огрубѣние сердца, как уже достигшее полноты – лучше бы передать глаголы... будущим временем.

Сердце здѣсь берется как способность уразумѣнія нравственных задач человеческой жизни (ср.: Ос. 4, 11).

Огрубѣние – это ожирѣние сердца, когда оно становится

неспособным двигаться и не восприимчивым. Это место дважды приводится в Новом Завете – в двух случаях как место, служащее к объяснению невосприимчивости иудеев к этой проповеди (см.: Мф. 13, 15; Деян. 28, 27).

И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле.

Приговор Божий о народе еврейском звучит решительно и сурово, но пророк, по любви к своему народу, не может допустить той мысли, что народ пребудет в ожесточении и, след., в отвержении от Бога вечно. Господь отвечает на это, что и города и земли иудейские должны совсем лишиться жителей, которые будут отведены в плен. Какую эпоху здесь нужно разуместь – сказать трудно. По всей вероятности, пророку Бог указывает на все последующие суды Свои над избранным народом, завершившиеся разрушением Иерусалима римлянами, как толкуют это пророчество свт. Василий Великий и Евсевий Кесарийский.

13. И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее.

Этот стих указывает на такое страшное опустошение Иудеи, после которого в ней останется не более десятой части жителей. Это могло относиться только к времени взятия

Иерусалима халдеями при Навуходоносоре.

И возвратится – это выражение следует заменить словами: в свою очередь (будет уничтожена).

Но как от теревинфа... Во всем стихе таким образом одна мысль, что народ еврейский, как политическое целое, со временем совершенно прекратит свое существование и лишится своей земли. Только тогда – так можно выразить основную мысль всей беседы Бога с Исаией – только тогда ожесточение народа станет смягчаться и возможно станет его обращение к Богу.

При этом пророк указывает на Святое Семя (т. е. на Мессию) как на опору (по-слав. «стояние») дальнейшего существования народа израильского. Мессия еще не пришел, следовательно, и народ, из среди коего Он должен произойти, должен сохранить свое бытие.

Свт. Николай Сербский. О святых Ангелах и Архангелах

Божии Ангелы – друзья наши. Если бы мы были чище и лучше, чем мы есть, то могли бы сказать, что Ангелы – наши братья. Плоть наша мешает нам их видеть. А грехи не дают нам почувствовать их близость. Но если нам до поры не дано видеть Ангелов, нам наказана вера в них, предписано почитание и прославление этих чудных певцов славы Творца. До поры, повторяю, нам не дано видеть святых Ангелов, но не

навсегда. Когда смерть совлечет с нашей души ее смертный телесный покров, мы встретимся с ними лицом к лицу, и вера уступит место видению. Какой будет наша радость, когда наши души, вернувшись из изгнания, встретятся с Небесными гражданами, с этими сынами Божиими, которым не ведом грех и старость, смерть и никакие другие проклятия, по которым мы влачимся в нашем земном пути, словно по тернию!

Но пока нам дана лишь вера. Наша вера в Ангелов основана не на человеческой фантазии, а на свидетельствах Божиих, данных через святых и праведных людей, которым было дано видеть Ангелов.

Праведному Аврааму белым днем явились три Ангела, которые возвестили ему о рождении сына Исаака. Видела их и Сара, жена Авраамова, которая угощала их. Позже Аврааму снова телесно явился Ангел для того, чтобы не допустить принесения в жертву Богу единственного сына. Праведному Лоту в Содоме явились два Ангела, которые вывели его из города до того, как гнев Божий обрушился на грешный город.

Иаков во сне увидел лестницу от земли до небес, по которой сходили и восходили Ангелы.

Валаам в пути увидел Ангела с обнаженным мечом в руке, который препятствовал ему в проповеди против народа Божия.

Иисусу Навину явился Архангел, и когда Навин спросил

его, кто он, Архангел сказал: «Предводитель воинства Божия».

Гедеону явился Ангел Божий и повелел ему вести народ против неприятеля. Испуганный Гедеон, простой земледелец, воскликнул: «О Господи Боже, видел я Ангела Твоего лицом к лицу!»

Явился Ангел Божий родителям Самсона и предрек им рождение сына Насона. Святому Илии пророку явился Ангел Господень, когда Илия спал, утомившись с дороги, и Ангел, пробудив его, дал ему воды и хлеба.

Святой пророк Елисей со своим слугой видел воинство Небесное со множеством коней и колесниц. Ангел Божий явился над Иерусалимом, когда ассирийское войско окружило Святой град, и победил войско.

Божии пророки видели Ангелов и слышали их голоса. Слепому Товию исцелил от слепоты Архангел Рафаил. Вот лишь несколько примеров из Ветхого Завета, не все, но лишь несколько.

А что нам сказать о многочисленных явлениях Ангелов в Новом Завете Божиим? Вы, ревностные читатели этой Книги Жизни, сами помните эти многочисленные примеры.

Вспомните же, как Ангел Божий явился во сне праведному Иосифу, как Архангел Гавриил явился в храме первосвященнику Захарии и объявил ему о рождении святого Иоанна Крестителя. Как тот же Архангел явился святой Богородице и принес Ей самую радостную весть о том, что Она ро-

дит Спасителя Мира. Сонм Ангелов явился пастырям вифлеемским и возвестил о рождении Богочеловека. Божий Ангел явился волхвам и сообщил им, чтобы они не возвращались назад через Иерусалим, опасаясь зломысленного царя Ирода. Каждый год Ангел сходил в купальню Вифезда, делая воду купальни целительной, из чего мы видим, что целительные воды действуют не без силы и милости Божией. Ангел явился Спасителю в Гефсиманском саду и утешал Его, Ангелы объявили женам-мироносицам о воскресении Господа. Апостолам Ангелы объявили о вознесении Христа и о Его пришествии в силе и славе, они руководили апостолами и вывели их из темницы. И, наконец, вспомните видения святого Иоанна евангелиста, описанные в его Откровении, видение ангельских кругов, их молитвы, их помощь Церкви Божией на земле.

Вспомните все это и сильнее укрепитесь, и других укрепите в вере, вспомните, что Ангелы живые и могущественные существа, предстоящие в невидимом Царстве Божиим, и служат Божиим людям на земле по воле и заповеди Всевышнего Творца.

А я напомним вам о свидетельствах Самого Господа Иисуса Христа, в притче о сеятеле Он говорит: «скажу жнецам», — а жнецы суть Ангелы, Ангелы собирают человеческие души после смерти и уносят их с собой в Небесные пределы. Подтверждение этому мы находим и в притче о богаче и Лазаре, когда умер Лазарь, *отнесен был Ангелами на лоно Авраамо-*

во (Лк. 16, 22).

И еще сказал: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). Это говорит о том, что всякий боголюбивый человек имеет своего Ангела Хранителя, который направляет его на всякое добро, если человек сам не противится ему.

Сказал, что Ангелы *не женятся и не выходят замуж* (Мф. 12, 55). Сказал, что когда Он снова явится, чтобы судить мир, то явится в силе и славе и Ангелы Его святые с Ним – *придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним* (Мф. 25, 31), тогда пошлет Он Ангелов Своих с великим трубным гласом и соберут они избранных Его со всех концов света, от края до края небес. Апостолу, который хотел мечом защитить Иисуса от Иуды и его помощников, Господь сказал: *Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?* (Мф. 26, 53). Из этих слов мы видим, как велико число святых Ангелов, видим, как велика власть Христа над Ангелами и как велика любовь Отца и Сына.

Это были свидетельства Христа об Ангелах, разве могут быть свидетельства вернее этих?

Те, кому было дано видение святых Ангелов, свидетельствовали о них, и свидетельства их были записаны в Священном Писании, а венец всех свидетельств – в свидетельстве

Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Но все свидетельства об Ангелах невозможно было записать в Священном Писании, в двух заветах Божиих. Множество и множество свидетельств святых и мучеников Христовых через многие века дошли до нас от достоверных свидетелей. Некоторых из них Ангелы посещали в темницах, другим приносили пищу в пустыне, кто-то слышал ангельские голоса, кто-то получал наставления, советы во сне и наяву, кого-то восхищали духом в Небеса и там они общались с Ангелами.

Но если видения даны не всем, то вера предлагается каждому. А видения были даны для того, чтобы укреплять в вере маловерных и немощных в вере. Но и вера не меньше видения, Господь ставит веру выше видения и говорит: *Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Век сей – век веры, а век не видений. В грядущем веке все увидят, если удостоятся, удостоятся же всякий, кто уверует. *А без веры угодить Богу невозможно* (Евр. 11, 6), говорит Апостол. Верой ходим, верой спасаемся, по вере судимы будем. Вера – правило, а видение – исключение. Сколь драгоценным ни было бы видение, оно лишь слуга веры, ее подтверждение.

Потому, братья, будем хранить веру в святых Ангелов Божиих такой, какой она дана нам от самых надежных свидетелей. Не соблазняйте ложными речами лжесвидетелей, отрицающих все, что они не могут увидеть телесными очами.

Разум тоже вещь невидимая. Спросите их, верят ли они в существование своего разума, который недоступен для видения, посмотрим, что они вам ответят. Чем искреннее вы будете почитать Ангелов Божиих, тем больше будете чувствовать их близость. А когда придет Сын Божий и все святые Ангелы с Ним, тогда настанет Последний Суд. И Господь будет судить каждого по вере и по ее плодам, ибо вера – корень жизни, из которого произрастают надежда, любовь, смирение, милосердие, правда и всякое добро, которое красило праведников Божиих от начала мира. Кто не имеет веры, тот не имеет корня жизни, откуда же расти надежде и любви и всем остальным добродетелям, которые делают человека человеком, которые многих христиан сделали подобными Ангелам Небесным?

О великие Архангелы и Ангелы Божии, молитесь Бога о нас!

О святые Архангелы и Ангелы Божии, помогите спасению нашему!

О бессмертные Архангелы и Ангелы Божии, даруйте нам ваше небесное здравие!

Станьте щитом и защитой нашей, и сохраните от духов темных и злоковарных!

Богу нашему слава и хвала, Ангелам святым честь и поклонение, а вам, братья и сестры, здравие, радость, мир и благословение. Аминь.

Свящ. Геннадий Егоров. Священное Писание Ветхого Завета

Поединок в Пенуэле

Мы знаем, что у Иакова родились 12 сыновей, которые стали родоначальниками двенадцати колен Израилевых. Почему предка звали Иаков, а народ называется Израилевым? В жизни Иакова было таинственное событие, когда он так же, как и Авраам – его предок, получил новое имя. На пути Иакова обратно в землю Ханаанскую, незадолго до рассвета *остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. [Иаков] сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, [говорил он], я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя (Быт. 32, 24–30).*

С кем боролся Иаков? На этот счет существует несколько мнений. Одно из них, которого придерживались Ориген и блж. Августин, полагает, что это был Ангел, как и вообще во

всех подобных видениях Ветхого Завета. Об этих явлениях Ангелов мы поговорим отдельно – эта тема очень интересная. Такие отцы, как св. Иустин мученик, свт. Афанасий Великий, свт. Иоанн Златоуст, св. Иларий Пиктавийский, блж. Феодорит, Климент Александрийский говорили о том, что борющийся был Сыном Божиим. Например, у блж. Феодрита: «Иаков <...> столько отличился подвигами добродетели, что привлек к себе Божие о нем промышление, и однажды, убоявшись присутствия Исавова и возслав молитву к Богу, не просто получил от Него помощь, но вступил, как казалось, в борьбу с Явившимся ему ночью и одержал над Ним победу, чтобы изгнать из сердца страх, рассудив, что преодолевший, как казалось ему, Бога не будет побежден людьми. Здесь один и тот же назван и Богом, и Ангелом: потому что и блаженный Моисей употребил то и другое наименование. Ибо Господь наш Иисус Христос именуется у Исаии и Богом крепким, и Ангелом Великого Совета (ср.: Ис. 9, 6)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.